

Потом он принялся рисовать на широкой доске конек для крыши. Плотник поставил его на дыбы, а потом посадил на него всадника в островерхом шлеме с круглым щитом в одной руке и булавой в другой.

- Ишь ты, фантазия-то как разыгралась, - подумал вслух Берестов про дядю Васю, любуясь его работой. - Да это у тебя Александр Невский.

- Молчи, Нилушка, молчи - знай, - обрезал он Берестова, с опаской поглядывая вокруг. - Всадник и всадник...

Не успели узники засыпать землей траншею с идущим к бане трубопроводом, как к Баузрам снова приехал Клопс. Первым делом пожаловал на стройку. Пот лил с него градом, под мышками образовались темные круги.

- Как русская баня? - спросил он старого барона, чадя сигарой. - Я хочу первым испробовать ее.

- Ты всегда, мой милый Фердинанд, отличался нетерпением, - сказал Манфред фон Баэр. - Или слишком много грехов накопилось и теперь спешишь смыть их.

- Жизнь воина коротка, - ответил Клопс. - Нельзя терять даром времени. Каждое мгновение может оказаться последним. У меня железное правило: бери от жизни все, что она дает, а что не дает - отнимай, - он захотел, довольный своей остротой. - Что же касается моих грехов, то я их не считал.

- Ну и напрасно. Надо совершенствоваться, мой друг.

- Это ерунда, что человечество совершенствуется, - ответил Фердинанд. - Чем старше наша Земля, тем грешнее становятся люди. Вместе с плотью к нашим детям переходят грехи дедов и прадедов. Они накапливаются в душе, как на кипь в чайнике, как мышьяк в костях человека. И придет время, когда у человека не останется ничего святого. Грехами будет пропитана каждая клетка человека, каждая молекула, каждый атом. Как жалко, что меня уже не будет тогда. Единственное, что приносит утешение, так это то, что мои грехи перейдут к моим далеким потомкам. И пока я жив, стремлюсь к одному - побольше наделать грехов, - и он снова захотел.

Они снова осмотрели баню, и снаружи, и изнутри. Не вынимая изо рта сигары, Клопс мычал сквозь зубы какой-то бра-

турный марш, он пребывал в прекрасном настроении. С жирного лица не сходила самодовольная улыбка.

Барон подозвал Зигеля и велел приготовить баню к приему первого посетителя:

- Бригадфюрер изъявил желание париться в русской бане. «Бригадфюрер?» - подумал Берестов. - Вот почему у этого мастодонта отличное настроение. Клопсу присвоили генеральский чин.

- Для вас большая честь, что почин делает такое высокое лицо, - продолжал барон. - Для вас это экзамен, и если не выдержите его, пощады не будет. Что необходимо для подготовки бани, получите у роттенфюрера, - так он называл Грубера, - барон включил мотор на кресле и поехал к дому. А Клопс дождался прихода Грубера и приказал ему проследить за тем, чтобы узники тщательно вымыли баню, полок и лавки.

До самого вечера строители готовили баню. Приходил Грубер, приносил тряпки для мытья стен и пола, зеленое мыло. И полные бритые губы его как всегда шевелились в такт шагам. Казалась, Папаша пел: "Бей в барабан и не бойся! Бей, бей в боевой барабан! Стучи, мое сердце, и не бойся!" - стихи поэта, книги которого штурмовики жгли на кострах.

Эсэсовцы оставались снаружи. И строители могли кое о чем поговорить с Папашей. Он сказал, что Манфред фон Баэр уже разоспал приглашения на банкет в честь назначения Курта директором чрезвычайно важного промышленного объекта, где по указанию Гитлера будет производиться сверхсекретное оружие, а баронесса Гертруда, ведавшая светской жизнью в доме и руководившая празднествами, приемами и обедами, приступила к составлению меню. Бауэры не скупились, когда нужно было продемонстрировать свое богатство. Но это делалось не только для того, чтобы удовлетворить тщеславие. Бауэры знали: приемы - это реклама, без которой нельзя обойтись. Их роскошество оккупалось с лихвой.

Грубер сообщил, что среди гостей будет немало сановных особ: старинный друг Баузров Хорст Рейнхольд, бывший одинополчанин Манфреда, а теперь один из приближенных к Ге-

рингу генералов, описал приметы: длинный, как телеграфный столб, и тощий, словно год маковой росинки в рот не брал. Любопытная птица. Явится на сборище младший брат старого барона Гельмут - прокурор округа - квашня с тестом, того и гляди расплывается, как смалыц на горячей сковороде. Ученый, специалист по расовым проблемам. Приедет кое-кто из промышленников и финансовых тузов - все ярые нацисты, два-три человека из центральных организаций СС.

- А Геринг? - с нетерпением спросил Руа. - Его пригласили?

- Еще бы. Но приедет ли он - неизвестно.

Грубер сказал, что если "операция "Б" (так называли ее строители, связывая эту букву со словом "бомба") пройдет, как задумана, узники должны находиться в канализационном колодце несколько дней, пока шум не уляжется. За это время Папаша хотел подготовить для них новое убежище - на чердаке. О результатах взрыва он обещал сообщить на другой день.

- А как насчет щелей в калориферных трубах? - спросил Берестов.

- Пробил, где отметили, пока барон занимался своими розами, - сказал Грубер. - Кажется, вы попали в точку. Бой часов в кабинете слышен так, словно они находятся рядом. Только сами не вздумайте громко разговаривать.

Строители не находили слов для выражения благодарности Груберу.

Между тем баня была готова, и дядя Вася знал, как сделать, чтобы там хорошо держался горячий сухой воздух.

- Докладывайте, - сказал он Груберу. - Пусть парится.

Через несколько минут у бани снова появились Клопс и барон Манфред фон Бауэр. Клопс был в шелковом стеганом шлафроке. Эсэсовец поддерживал живот руками и напоминал вратаря, только что схватившего футбольный мяч. Его аполитические глаза, словно штыки, впились в Зигеля.

- Мне нужен помощник. Чтобы показывал, что и как.

Узники переглянулись.

- Я помогу, - не дожидаясь согласия товарищей, дядя Вася сделал несколько шагов вперед, словно боялся, что они не пустят его.

- Не выдержишь, - сказал Берестов. - Давай я.

- Посмотрим, - неопределенно ответил дядя Вася и направился к бане.

Клопс оглядел дядю Васю с головы до ног, усмехнулся.

- Яволь, - наконец сказал он и пошел вслед за дядей Васей, дав знак Молчуна следовать за ним.

Грубер принес огромный эмалированный таз, веник и мочалку с мылом.

Манфред фон Бауэр отъехал в сторону. Строители сели на пустые ящики и стали ждать, поглядывая в запотевшие окна бани.

Сняв с себя одежду в предбаннике, где уже был накрыт стол с яствами, Клопс и дядя Вася прошли в банное отделение, эсэсовец с автоматом остался в предбаннике, с жадностью поглядывая на закуски и бутылки с вином.

Было слышно, как дядя Вася налил в таз воды и выплеснул на раскаленные камни. Клопс крякнул от охватившего его жара и блаженно застонал, охаживая себя веником.

Березовые ветки с листьями, распаренные прямо в кotle, секли толстое упитанное тело Клопса, наполняя каждую клетку живительными токами.

- Гут, гут! - кричал он снова и снова.

Барон не выдержал и направил коляску к бане. Въехал туда в сопровождении Грубера, чтобы ближе ощутить врачующее пахнущее березовыми почками тепло и посмотреть, как оно действует. Манфред фон Бауэр столько надежд возлагал на русскую баню. Но не пробыл там и трех минут - слишком крутой дух настоялся в бане, - выехал назад, закутанный в огромную пушистую купальную простыню, и покатился к замку. За ним шел Папаша Грубер, как всегда что-то бубня себе под нос. А Клопс все охаживал себя веником, было слышно даже на улице, как он охал и стонал от удовольствия.

По какой-то неведомой ассоциации Берестов вспомнил дезинфекционную камеру концлагеря, куда узников привели, когда они миновали ворота с надписью *vae victis* - "горе побе-

жденным", вспомнил, как в эту злополучную камеру ворвался сырой обжигающий пар. Узники перестали видеть друг друга, все труднее становилось дышать. Пар ел глаза и обжигал легкие. Никто не знал, сколько будет продолжаться эта адская процедура. Кто-то упал ему под ноги. Он нагнулся, чтобы поднять вконец обессилевшего, а может, потерявшего сознание человека, но тотчас же понял, что делать этого не следует. Внизу было прохладнее, и несчастный там скорее мог прийти в себя. Выдержать такую парилку было мукой. У Берестова мелькнула мысль: для некоторых это будет конец. Ловко придумали гады. Но вдруг с потолка хлынули потоки холодной воды. Это принесло облегчение, однако, только на несколько секунд. Люди прикрыли руками головы, теснее прижались друг к другу, боясь простудиться, получить воспаление легких или мозга.

Наконец ледяной дождь прекратился. Заключенным стали выдавать старое пахнущее затхлостью и плесенью белье. Было такое впечатление, что его только что сняли с умерших людей.

"Сунуть бы в ту дезинфекционную камеру Клопса и посмотреть потом на его рожу", - подумал Берестов. Его размышления прервал стон, раздавшийся в бане; было похоже, что вскрикнул дядя Вася. "Неужели с ним сделал что-то этот мерзавец Клопс", - мелькнуло у Берестова в голове. Строители вскочили на ноги. В следующее же мгновение из дверей выглянул Молчун и поманил Берестова пальцем. Берестов бросился в баню и увидел на полу дядю Васю. Он был без сознания.

Рядом валялся пустой таз. Тут же стоял Клопс с веником в руках - гора мяса и сала. На лоснящемся лице - недоумение.

Берестов взял дядю Васю под руки и потащил в предбанник, пытаясь понять, что могло произойти. Кажется, Клопс его не трогал. Наверное, дяде Васе просто стало дурно от жары.

И только в предбаннике разведчик увидел, что грудь у дяди Васи и живот обварены кипятком. Кожа покраснела и вздулась. Видимо, он нес для Клопса воду и поскользнулся или потерял сознание, опрокинув на себя таз с кипятком. Но откуда кипяток? Неужели он хотел выплеснуть его на Клопса? -

думал Берестов. Уберите его, - приказал генерал, вваливаясь розовой, пышущей паром глыбой в предбанник. - Фердаммте!

Берестову бросилась в глаза вытатуированная на теле Клопса цифра - группа крови, как это принято у эсэсовцев. А потом его взгляд снова упал на грудь дяди Васи, где у него был выколот корабль. Теперь на этом месте зияло огромное красное пятно.

Берестов снял с себя куртку и стал осторожно обтирать тепло товарища, стараясь не касаться обожженных мест.

Дядя Вася застонал и открыл глаза. Увидев Берестова, попытался улыбнуться, но из этого ничего не получилось.

- Как же это ты? - сказал Берестов в отчаянии, просовывая в рукава куртки его руки. Это был уже не человек, а истерзанный кусок плоти. Берестов боялся думать о том, что произойдет с дядей Васей дальше.

- Так-то вот, други мои, - с каким-то тайным удовлетворением и вместе с тем отрешенно проговорил дядя Вася. - Пора и честь знать.

- О чем ты? - Берестов не сразу понял до конца смысл сказанного стариком, но догадался, что тот вынес себе смертный приговор.

Слова утешения здесь были бы неуместны, и Берестов молча одевал дядю Васю, ловя себя на мысли, что собирает его в дорогу без обратного конца, и испытывая чувство невыразимой печали. И дядя Вася, видно, уловил что-то в лице товарища, взял его руку в свою и поднял голову, прошептал запекшимися губами:

- Так надо, мил человек, так надо. А парусник-то мой тоже уплыл от них...

И тут Берестов вспомнил, что татуировка на груди дяди Васи привлекала внимание какой-то эсэсовки, пожелавшей заполучить дяди Васину кожу для абажура. На месте наколки уже образовались пузыри, кое-где кожа висела лохмотьями.

"Значит, он нарочно?" - подумал Берестов. Дядя Вася кивнул, словно в ответ на мысли разведчика, и повторил твердо, стараясь превозмочь боль:

- Так надо.

Берестов с Жоржем вынесли дядю Васю на улицу, смочили обожженные места холодной водой, чтобы уменьшить его страдания, а потом накрыли их мокрым полотенцем, которое принес Грубер.

Дядя Вася стонал и просил пить. И вдруг сказал:

- Только бы не потерять сознания раньше времени.
- Не думай об этом, - Берестов не знал, что еще сказать, чтобы успокоить его.
- Только об этом и думаю, - прошептал дядя Вася.

В голове Берестова метнулось воспоминание: как однажды при выполнении боевого задания, связанного с полетом в тыл врага, где-то рядом с его машиной разорвался зенитный снаряд. Загорелся мотор. Языки пламени жгли ступни и икры ног, подбирались к коленям. А он все тянул и тянул самолет, чтобы миновать линию фронта. Казалось, еще минута - и он вспыхнет весь. Невыносимая, просто адская боль. Летчик посадил машину и потерял сознание, очнулся в медсанбате, после вливания лечебной сыворотки и переливания крови.

"Дяде Васе никто не даст сыворотку, и переливание крови ему делать тоже не будут", - подумал Берестов. Его ждет другое. А Клопс тем временем облачился в толстый махровый халат. Он был размягчен и удовлетворен, хотя и не скрывал досады из-за того, что ему помешали, смазали общее впечатление от бани. Мельком взглянув на дядю Васю, он махнул рукой эсэсовцам:

- В ревир! - и пошел по направлению к замку, все так же поддерживал живот.

Манфред фон Бауэр не появлялся, передал через Папашу, что за дядей Васей приедет машина. Больше двух часов строители ждали эту машину, не отлучались от дяди Васи ни на секунду. Он успокоился и даже, кажется, задремал. А потом открыл глаза и сказал:

- Не давайте мне спать. Я могу не проснуться. Еще рано, рано... Я должен добраться... должен... должен...

Берестов не отнимал руки от его запястья. Пульс у старика едва прощупывался. За дядей Васей приехала та же "душегубка", на которой узников привезли в замок Бауэра. И шофер

был тот же - долговязый блондин с сонным лицом, обрызганным веснушками. И это оживило дядю Васю.

- Скорее бы добратьсяся, - сказал он. - Увидеть Яна Гулу. А вы здесь осторожнее. Может, я еще... - Но он не докончил фразы, впал в забытье, скоро снова очнулся и заговорил о доме, жене, сыновьях и внучке Верочки. Кажется, он бредил...

Шофер открыл фургон, и тут Берестов увидел в глубине Шманкова. Да, того одноглазого, который помогал ему с дядей Васей собирать мох в лесу.

Он щурил свой зеленоватый глаз, улыбаясь странной дурашливой улыбкой.

- Взг! - крикнул ему шофер.

Шманков выбрался наружу, и, жмурясь от солнца, приподнял руку:

- Мой пламенный привет друзьям по несчастью. - Он сунул Берестову ладошку, сложенную лодочкой. - Персональный - брательнику-москвичу, что разобрана по кирпичу, - осклабился, обнажая розовые десны. - Что тут стряслось?

- Чего мелешь про Москву, если не знаешь, - сказал Зигель.

- Это доподлинно, сам слышал по радио, - и тут он увидел лежавшего на земле дядю Васю, зашмыгнул утиным носом.

- Это вы с ним, кажись, приезжали? Да, умирать - не в по-мирушки играть. Ну да что рождается, то и умирает. От смерти нет зелья. Закон природы. А все-таки неохота.

- Прибереги присказки для себя. Как ты оказался тут, - спросил Берестов. - И даже без конвоира?

- Я при ревире состою. Санитаром, а если точнее - моргильщиком пролетариата. Ну да лишь бы кормили. Кстати, как здесь с кормежкой? Наверное, с барского стола кое-что вкусненькое перепадает? Немцы знают толк в еде и умеют побаловать себя разной всячинкой. Ловко вы устроились, завидую. А конвой мне ни к чему. Фургон запирается. И куда бежать?

- Ладно, заткни свой фонтан. Сейчас не до разговоров, - сказал Берестов.

- Согласен. Ты не намекнешь им, - он кивнул на эсэсовцев, - чтобы мне дали пошаматать.

- Здесь намеков не понимают. Говори сам, - огрызнулся Берестов.

Внутри фургона стояли заплаканные кровью носилки. Кровь давно высохла, и пятна на брезенте были похожи на ржавчину. Строители положили дядю Васю на носилки и стали прощаться. Подходили по очереди Берестов, Руя, Зигель - и тыкались мокрыми лицами в торчавшую из морщин щетину, произносили какие-то подбадривающие слова. Шофер закрыл двери фургона на замок и сел в кабину. Машина поехала в лагерь.

Часть третья

В день приезда гитлеровских бонз узники работали до обеда, сажали деревья возле бани, посыпали свежим песком аллеи парка, истопили свою баню. Барон, как видно, и в самом деле вознамеривался попарить кого-то из гостей.

Утро выдалось солнечное, теплое. Пели птицы. Но строителям, конечно, было не до природы. Они думали об одном: взорвется ли их бомба? Удастся ли им совершить побег? От первого зависело и второе. Жалели, что с ними нет дяди Васи. Они знали, что больше не увидят его, и оттого на душе у всех было тяжело. Каждый чувствовал какую-то неосознанную вину перед ним. "Не нужно было отпускать его с Клопсом", - думал Берестов, - ведь он был самым слабым из нас".

За оградой, на обочине дороги остановились несколько бронированных машин - замок оцепляли охранными войсками СС. Несколько фашистов в черных мундирах с засученными по локоть рукавами обошли территорию имения.

Где-то очень высоко пролетал самолет-разведчик. Берестов обратил на него внимание потому, что вдруг захлопали зенитки. Они были установлены неподалеку от замка, на одном из отрогов гор и, как видно, охраняли от налетов поместья богачей. Возле поблескивавшего в лучах солнца самолета то и дело лопались снаряды, окрашивая голубой небосвод белыми шарами дыма. Узники боялись, что самолету не удастся миновать заградительный огонь.

- Американский? - спросил Зигель.

- Нет. У них в качестве разведчиков используются двухфюзеляжные "Лайтнги", - ответил Руя. - Это советский.

- Как он сюда попал?

- Дыма без огня не бывает.

- Значит, ваши войска приближаются!

И как бы в подтверждение этих слов по радио, которое было включено в замке, под серебряные звуки фанфар диктор

заговорил о "спокойном и планомерном" отступлении фашистских армий, о "выравнивании границы".

После обеда строителей не выпустили из котельной. Окончание подвала, выходившее на фасадную сторону замка, Грубер по приказанию барона заложил с внешней стороны щитом, но между досок оставил щель, через которую можно было рассмотреть центральный подъезд.

Берестов и Макс Зигель подсели к пробитым в стене между камней щелям. Им даже не верилось, что теперь они не только видели все, что происходило перед замком, но и слышали, о чем говорилось в трапезном зале. Они улавливали голоса слуг, которые наводили последний лоск и занимались сервировкой стола. Изредка слышался голос Гертруды, отдававшей приказания. Одна из служанок разбила хрустальную вазу, и баронесса стала хлестать ее по лицу ладонями, обзываая самыми последними словами.

- Сволочь! - заскрипел зубами Руа.
Зигель зажал ему рот ладошкой:
- Не сходи с ума. Или забыл предупреждение Груббера?
Наконец стали съезжаться гости. Грубер вынес на крыльце литавры и, установив их на металлических подставках, вооружился колотушками. Черная эсэсовская форма, в которой строители увидели Папашу впервые, топорщилась на нем как на новобранце.

Выехал на коляске Манфред фон Бауэр. Он был в военном кителе с большими накладными карманами и в штанах со шнурковкой до колен. Даже прикованный к креслу, он демонстрировал свою прусскую выпрявку и тщеславие. Блестела кокарда на фуражке, блестели ордена на груди, блестели серебряные шпоры на сапогах. Эти шпоры, как узники узнали от Груббера, барону подарили на день рождения Геринг. Возле ног барона развалилась собака. С ее ошейника свисали многочисленные собачьи медали.

Сюда же выплыла и баронесса Гертруда. Она утопала в пенных кружевах (казалось, ее намылили с головы до пят да так и оставили) и была увешана драгоценностями. Барон махнул рукой, и Грубер заиграл на литаврах какой-то марш. Папаша, как всегда, был спокоен, и в его спокойствии таилась

сила, которой не было у хозяев, затеявших этот помпезный маскарад. Его спокойствие передалось и узникам. Они вдруг поверили, что все исполнится, все будет, как задумано.

К замку то и дело подъезжали большие немецкие "вандереры", юркие "мерседесы", "опели", трофейные "шевроле", "паккарды". На некоторых автомобилях вместо запасного колеса были установлены черные цилиндры газогенераторов. Один из нацистов приехал на советской "эмке". Машины эсэсовцев были окрашены в черный цвет, а все остальные - в серо-зеленый. Они проплывали по центральной аллее парка и останавливались на площадке под дубами, в ста-ста пятидесяти метрах от дома. Хлопали дверцы. Выходили офицеры в парадных мундирах - черных, голубых, серых, зеленых, увешанные наградами за убийства; дамы в роскошных туалетах, украшенные награбленными драгоценностями; господа в темных костюмах с выглядывавшими сверху белыми стоячими крахмальными воротничками - финансисты и промышленники, хозяева жизни, элита нацистского государства. На лацканах поблескивали нацистские значки.

То и дело воздух потрясало короткое, как удар хлыста, "Хайль!". Все это должно было символизировать особую патриотичность, которую так обожали фашисты. Гости чопорно раскланивались, на лицах застыли любезные улыбки, такие неправдоподобные, такие лживые, что сквозь них явственно проступали безнадежность, страх и жестокость.

Прибывавшие поднимались по белой мраморной лестнице, застланной красным ковром, на крыльцо, где их встречали хозяин дома, величаво восседавший на своем кресле. Респектабельная фрау Гертруда одаривала гостей лучезарной улыбкой. Ее жеманный голос (узникам даже не верилось, что эта дама может визжать, как свинья, разговаривая с прислугой) таял, словно сливочное масло на сковородке.

Из роскошного длинного лимузина выбрался толстый Клопс. На крупном мясистом лице специалиста по выстрелам в затылок расплылась воистину ослепительная улыбка, а на кармане черного мундира зловеще мерцал Железный крест первого класса. Генерал молодцевато вскинул руку в направ-

лении толпившихся на крыльце гостей, гаркнул, раскрыв золотой рот, "Хайль!".

За ним проворно вышла, точно опасалась, что ее увезут обратно, сухопарая чернобровая дама в серебристо-белом наряде. Обесцвеченные перекисью волосы были спрятаны под шляпу с перьями, по форме напоминавшую старинный военный шлем, и только спереди на лоб как бы случайно вились несколько вызывающие белых прядей. Дама щурилась, и от темных глаз во все стороны разбегались прямые, как струны, морщины, придавая лицу рысью устремленность.

- Интересно, как бы эти гитлеровские фурии стали чистокровными арийками, не будь на свете перекиси водорода, - усмехнулся Жорж. Что верно, то верно, недостатка в искусственных блондинках в Германии не ощущалось.

Бесшумно подплыл к крыльцу длинный приземистый "Хорх". На таких штуках с мощными двенадцатицилиндровыми моторами ездили в Германии только большие тузы: министры, маршалы, гауляйтеры. По тому, как осели рессоры, можно было догадаться, что машина усиlena специальными броневыми плитами.

В машине находился высокий костищий военачальник в мундире жабьего цвета, с угрюмым лицом. На тяжелом отвислом носу неловко сидели черепаховые очки с сильно выпуклыми стеклами, что делало его похожим на старого выбравшегося из норы рака. Между отворотов воротника висел на ленте маленький черный крестик с серебряной каймой, именуемый фашистами рыцарским крестом.

Несколько секунд важный гость сидел в мрачном бездействии, словно раздумывая, стоит ли выходить из машины; казалось, сейчас он подаст команду шоферу, и машина повернет назад. Но вот шофер обошел вокруг автомобиля и распахнул дверцу. Генерал вышел и оглянулся по сторонам.

- Хайль! - проскрипел он, вскинув длинную узловатую руку.

Берестов сразу догадался, что это и есть Хорст Рейнхольд, о котором говорил Папаша.

Генерал направился к крыльцу. Он шел, опираясь на трость с золотым набалдашником, и, казалось, никогда не дойдет до лестницы и не поднимется по ней. Стояла тишина,

и только Грубер размеренно ударял по литаврам, воспроизведя какую-то незнакомую ритмическую мелодию. К Хорсту подлетел, видимо, давно ожидавший это минуты Парабеллум с подобострастной улыбкой, попытался взять генерала под руку, но тому это не понравилось, и парвеню откатился, как биллиардный шар, удариившийся в борт. Между тем Рейнхольд наконец поднялся на крыльце. Он чуть ли не побратски обнялся с бароном, снял фуражку, обнажив аккуратно расчесанные сбоку на пробор, как у Гитлера, и прилепленные к темному бугристому черепу серые волоски, поцеловал баронессе одну руку, потом другую, после чего она препроводила его до дверей холла и, что называется, передала своему Гансу, занимавшему гостей во внутренних покоях замка.

Подъехали еще два автомобиля. Из машины-коротышки, похожей на неуклюжее ископаемое - это был четырехцилиндровый "форд" выпуска 1925 года, - вывалился мясистой тушой человек в темном костюме, какие носили обыкновенные бюргеры. Рыхлое улыбчивое лицо его, мучнистое и сладкое, напоминало расплавленный на солнце рахат-лукум. Бюргер снял шляпу, вытер платком блестящий череп, обрамленный венчиком пушистых рыжеватых волос, и вкрадчиво-любезно раскланялся со всеми, показав подозрительно ровные и белые зубы. В его осанке было что-то пасторское.

Берестову показалось, что этот гость, как ни странно, похож на старого барона. "Уж не брат ли это его Гельмут, о котором говорил Грубер", - подумал он. Предположение разведчика подтвердилось, как только из машины вслед за лысым господином выбрался белобрюхий карапуз, увешанный игрушечными гранатами, автоматом и пистолетами. На голове у мальчионки была солдатская каска с намалеванной спереди свастикой. Он обошел вокруг автомобиля с непомерно большими фарами, вскинул пухлую ручонку и крикнул пронзительно: "Хайль!", после чего прытко побежал по лестнице и бросился на шею к старому барону.

- Зов крови, зов крови! - растроганно проговорил Манфред фон Бауэр, целуя правнунка в розовую щеку. На лицах у гостей застыла умильная улыбка.

Потом из машины вышла тонкая элегантная дама с острым лицом, впрочем, не лишенным и привлекательности. Это была жена Гельмута. Прямые пепельного цвета волосы закрывали ее уши и сзади были собраны в узел. Небольшие круглые глаза, затемненные ресницами, улыбались и казались загадочными, как у медиума, а тонкий вздернутый нос напоминал птичий клюв.

Гельмут подставил даме локоть, и она оперлась на него хрупкой, почти бескровной рукой с четко обозначившимися суставами. Они стали подниматься по лестнице.

Гельмут был похож на облако, через которое можно пройти. Казалось, он вот-вот поднимется над землей, унося за собой тонкую даму с птичьим клювом.

Когда Гельмут и его жена оказались на верхней ступеньке, из той же машины вышел еще человек в черном наглухо застегнутом сюртуке, полы которого доходили до колен. Черные волосы, усы и бородка делали его похожим на священника. Это был шофер и телохранитель Гельмута. Не переставая улыбаться, прокурор небрежно поднял руку, и телохранитель незаметно, словно тать в ночи, проследовал внутрь дома.

В отдалении остановился кузый "Опель", и из него выскользнул всего один человек. Узники сразу узнали его. Гейнц Бухвальд - главный врач концлагеря. А теперь им стало еще известно, что он являлся отцом той самой надзирательницы, с которой расправились заключенные, и, стало быть, дедушкой мальчугана, что приехал с Гельмутом.

Бухвальд аккуратно закрыл дверцу машины и даже засемто запер ее на замок и только после этого направился к дому Бауэров. Черный цвет безукоризненно сшитого эсэсовского костюма еще больше подчеркивал катанинскую бледность неподвижного лица без морщин и без возраста (словно на него нанесли слой гуттаперчи или каучука).

По пути он достал белоснежный платок (Берестов заметил: у фашистов была страсть к белым платкам), вытер руки и пригладил на впалых висках и без того тщательно прилизанные (волосок к волоску) светлые волосы. Он походил на восковую фигуру из Музея мадам Тюссо. Был сдержан в приветствиях, сух и строг. И с ним все были сухи и строги. Может,

его даже боялись. Узники слышали, что усердие врача было отмечено самим Гиммлером.

Последним в своем длинном бронированном "майбахе" приехал комендант лагеря гауптштурмфюрер Блюм, после чего барон Манфред фон Бауэр укатился в помещение, а Папаша отодвинул литавры в сторону и пошел закрывать ворота. Геринга среди приехавших в замок Бауэров не было.

Дежуривший у отдушину Зигель сообщил узникам, что внук старого барона Курт тоже не приедет. Оказывается, у Бауэров была договоренность с Блюром, что он съездит за виновником торжества на аэродром и привезет в замок в сопровождении мотоциклистов. На аэродроме же выяснилось, что самолет, на котором летел Курт фон Бауэр, был по ошибке подбит немецкими зенитчиками и совершил вынужденную посадку. Экипаж и пассажиры живы и здоровы. Аэродромная комендатура сообщила, что Курт прилетит утренним рейсом.

Это известие всех расстроило. Старый барон метал громы и молнии, сказал, что потребует расстрелять зенитчиков, вспомнил, как в начале войны вблизи Бреслау немецкие зенитчики сбили He-III, на котором летел в качестве пассажира его друг генерал-инспектор истребительной авиации люфтваффе полковник Мельдерс.

- Теперь не сорок первый, и зенитчикам пора бы чему-нибудь научиться! - кричал он.

Клопс попытался разрядить обстановку и сказал, что худа без добра не бывает, что все что ни делается, - к лучшему, так было угодно провидению, главное то, что Курт жив и здоров, а поэтому есть смысл перво-наперво выпить за это и за Германию тоже. Его настроение передалось и другим, гости стали рассаживаться за стол. Звенела посуда, булькало наливаемое в бокалы вино...

- Не буду передавать содержание здравиц, которые провозглашались и хозяевами, и гостями, - сказал мне Орлов. - Они были ординарны, нередко повторялись (за великолепное отчество и фюрера). Даже кричали "Хайль!", но было что-то неестественно-выспренное и истеричное во всех

речах и возгласах, а порой напоминало предсмертные корчи и судороги. Кольцо вокруг "священной земли рейха" к тому времени начало сжиматься, и кое-кто из гостей барона уже чувствовал свою обреченность. Создавалось впечатление, что весь этот турнир высокопарных нацистских словес был затеян, чтобы подбодрить себя, на всякий случай выразить свою преданность третьему рейху, вера в который уже у многих пошатнулась.

Блюм быстро захмелел и начал что-то плести о верности долгу во славу чести, о боевом духе, готовности лечь костью за великого фюрера, а потом затянул с наигранным бодрячеством: "Славься, победой увенчанный!". Подтянули еще несколько голосов, но песня заглохла где-то на середине.

А Клопс вдруг завел речь с Гансом фон Бауэром об Испании, где тот во время гражданской войны был ранен и потерял руку.

- Неплохая страна, не правда ли, господин барон. Кабальеро, сеньорита, коррида - какие роскошные слова! Кстати, у вас, наверное, полно друзей среди приближенных Франко. Если в один прекрасный день соберетесь туда с целью, так сказать, дальнейшего укрепления духа взаимопонимания, то захватите и меня в качестве телохранителя. Падать, так на четыре лапы, - и он громко захохотал, как видно, чем-то смущив Ганса. - Шучу, шучу, шучу. Мы под покровительством самого провидения. И еще не сказали «Ке дьявос репарте суэрте» - пусть Бог разделит удачу, как говорят матадоры, выходя из загона к быку.

Папаша Грубер как-то сказал узникам, что шутливая фамильярность Клопса опасна и никто никогда не знает точно, серьезно он говорит или ломает комедию, вызывая на кровенный разговор. Не раз спровоцированные им люди оказывались в подземельях гестапо, в концлагерях или на виселице. Среди них были и высокопоставленные вельможи третьего рейха. С этим хамелеоном ухо нужно было держать востро. Ганс фон Бауэр ответил:

- О, ты, мой дорогой, уже преуспел в испанском. Значит, и в самом деле готовишься. Я, конечно, тоже шучу.

Теперь, спустя больше полувека, мы знаем, что в шутках подобного рода содержалась пребольшая доля правды. Уже летом сорок четвертого фашисты почувствовали, что рано или поздно, а корабль их пойдет ко дну, и начали думать, каким образом покинуть его.

Советские войска теснили немцев на всех фронтах. Ленинград был освобожден от блокады, а на Украине части Красной Армии вышли к государственной границе, форсировали Прут и вступили в Румынию, близилось изгнание фашистских захватчиков из пределов Советской страны.

Немецкому народу говорилось, что фюрер решил применить особую тактику, которую можно сравнить с действием натягиваемой резины. Когда резина приобретет достаточно большую энергию, ее отпустят. И тогда фронт в короткий срок передвинется к Уралу.

Верили ли господа германцы в то, о чем разглагольствовали самым серьезным образом?

Немецкий народ устал ждать этого момента, а ему отвечали: Резина еще тянется, что говорит о ее хорошем качестве. Чем дальше мы отойдем, тем сокрушительнее будет завершающий удар. Терпение и выносливость - это тот оселок, на котором оттачивается вера в победу тысячелетней империи. И что удивительно, чем больше терпели поражения фашисты, тем больше разглагольствовали о победе.

- О нашей победе говорят все астрологи, - говорила Гертруда гостям.

- Гороскопы, которые хранятся в научном отделе гестапо, предсказывают потрясающий военный успех, - подтвердил Клопс. Однако сам он, судя по разговору с директором, не очень-то в это верил.

За столом заговорили о том, что в Нормандии высадились союзные войска. Немцы почти не оказывали им сопротивления, считая своей главной задачей сдержать напор Красной Армии на Востоке.

- Лучше поздно, чем никогда, - с грустной задумчивостью сказал Руа, имея в виду открытие второго фронта.

Когда обо всем этом говорил Орлов, мне невольно вспомнились слова американского сенатора Трумэна, произнесенные на второй день после нападения Германии на СССР. "Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если будет выигрывать Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше..."

- Англосаксам это даром не пройдет, - скрипел Рейнхольд.
- Еще пожалеют о том, что сделали. Мы им никогда не простим говоров с коммунистами. Через тысячу лет не простим.

Старые вояки заговорили о прошлом, о том, как служили под кайзеровскими боевыми знаменами.

- Видно, забыли, как в пятнадцатом году Кайзер "познакомил" их с цеппелинами Прусско-королевской авиации.

Сев на дряхлого конька воспоминаний, который охотно подставил им старую спину, они начали рассказывать, как служили в специальном бомбардировочном соединении (в целях маскировки оно действовало под вывеской "Остенденского отделения голубиной почты"), как их эскадру перебросили в Северную Францию и оттуда она совершила массированные налеты на английские города. Стариковская память хранила бесчисленное множество эпизодов из времен Первой мировой войны, а вышедшая из повиновения желчь окрашивала их в зловещие тона.

- Бисмарк держал под страхом и Францию, и Россию, и Балканы, и Ближний Восток, - говорил Манфред фон Бауэр.

Гости, видимо, не раз уже слышали об этом и теперь тихо переговаривались между собой.

Кто-то спросил Ганса фон Бауэра, насколько пострадал при последней бомбежке его завод.

Директор ответил, что были выведены из строя один из сборочных цехов и испытательная станция. Сгорели два барака, в которых жили заключенные, разрушена стена, отделявшая лагерную зону от поселка; воспользовавшись тем, что эсэсовцы находились в укрытии, несколько десятков заклю-

ченных бежали из лагеря. Многих из них поймали и отправили в особую зону, в ведение его сына Курта фон Бауэра.

"Особая зона Курта фон Бауэра - что это такое?" - подумал Берестов. Ему тотчас же припомнились слова старого барона во время его разговора с Клопсом возле бани: "Не беспокойтесь о Курте, я подыскал ему достойное дело...", а потом сообщение Грубера о назначении Курта директором важного промышленного объекта. Берестов невольно затаил дыхание, боясь упустить хотя бы одно слово из этого разговора.

- Мы расстреляли в лагере по пятьдесят заложников за каждого, - сказал Клопс.

"Значит, тот одноглазый, что помогал собирать мох в лесу, не врал", - и Берестов тотчас же подумал о рабочих с испытательной станции. Может, кто-то из них тоже пострадал.

Потом нацисты завели речь о рассредоточении предприятий авиационной промышленности, о подземных укрытиях. И тут снова было упомянуто имя Курта фон Бауэра, возглавившего секретный филиал завода Бауэров.

- Надеюсь, наш мальчик будет жить не под каменным небом, среди этих дурно пахнущих недочеловеков, - сказала Гертруда.

- Не волнуйся, он будет почти дома, - сказал барон. - Место не хуже, чем то, где находилось "горное гнездо" нашего фюрера. А какие виды вокруг. А какой воздух. Сочные луга у подножий. Живописные ущелья, ручьи и реки, местами перегороженные запрудами, изобилуют форелью. Немного на земле найдется таких благословенных мест. Неслучайно там когда-то была вотчина королей.

Кем-то из гостей был задан вопрос, начал ли филиал выпускать продукцию.

- Пока все в стадии испытаний, - сказал директор. - Но скоро, очень скоро изделия Бауэров позволят нашим доблестным воинам перейти в решительное наступление. Шпеер передал приказ фюреру принять все меры, чтобы совместно с рейхсфюрером СС и при самом энергичном привлечении сил из концентрационных лагерей как можно быстрее продвинуть вперед строительство предприятия и изготовление оружия особого назначения. Об использовании пещер для строи-

тельства завода говорилось в ставке фюрера. Гитлер по за-
слугам оценил нашу инициативу. Курт в самые сжатые сроки
наладил серийное производство оружия возмездия.

"Вот оно что! Значит, пещеры! Но где именно? - мысль Бе-
рестова работала лихорадочно, в одном направлении. - Неу-
жели они так и не назовут это место?".

Бухвальда попросили рассказать о последних эксперимен-
тах на живом материале, и наступила непривычная тишина.

- Люди должны стать тем, чем мы им прикажем быть. Это
любимое изречение фюрера можно было бы поставить эпи-
графом к моей деятельности, связанной с подавлением и
уничтожением у человека воли, с низведением его до состоя-
ния полного "психологического небытия", - Бухвальд стара-
тельно выговаривал каждое слово. - Безвольные люди могут
стать добрыми, злыми, веселыми, грустными, деятельными,
инертными. Таким образом можно будет превратить огром-
ные массы людей в животных или рабов, молчаливо и покор-
но повинующихся приказам.

- И в солдат, разумеется, тоже? - спросил старый барон с
плохо скрытым возбуждением.

- И в солдат, наделенных нечеловеческой жестокостью,
убивающих без колебания, без сострадания, - ответил Бух-
вальд.

- Это очень перспективно, - заметил Клопс, и стул под ним
затрещал.

- Конечно. Тогда, например, можно было бы всех заклю-
ченных из концлагерей сделать орудием рейха, послать в
бой. Сами недочеловеки убивали бы недочеловеков, как зве-
ри убивают зверей, - развивал свою "мысль" Бухвальд. - А мы
смотрели бы со стороны, как патриции на бой гладиаторов, и
отдавали приказы, сколько миллионов этих созданий нужно
уничтожить сегодня, завтра и послезавтра. Мы оставляли бы
в живых ровно столько, сколько необходимо для пополнения

личного состава, материально-технического обеспечения и
запасов продовольствия, необходимых для поддержания боев

легиона рабов. Империи нужны сейчас миллионы маринусов
ван дер люббе (*).

- Но возможно ли это?

- Всегда удается то, что считается невероятным, говорит
нам фюрер. Самое невозможное - самое надежное.

- Но вы так и не сказали, доктор, каким образом добивае-
тесь своего, - проскрипал генерал Рейнхольд. - Уж не хотите
ли вы перенять опыт сирийского князя, о котором писал Мар-
ко Поло?

К сожалению, я ничего не читал Марко Поло и решил по
возвращении домой познакомиться с его творчеством.

- О каком это сирийском князе вы говорите?

- Был такой в истории. Возглавлял тайную мусульманскую
секту убийц. Этот князь из маленького горного селения держал
в страхе самых могущественных владык и требовал от
них дань. А те, кто отказывался от уплаты дани, погибал от
руки сектантов. Как стало известно позже, сирийский князь
вербовал в секту юношей и давал им гашиш, после чего их
сознание затуманивалось. Они переносились в мир галлюци-
наций, бродили по красивым садам, с красивыми женщинами,
слушали волшебную музыку и предавались острым наслаж-
дениям. Когда действие наркотика прекращалось, князь гово-
рил юношам, что они побывали в раю и что снова попадут ту-
да после смерти. Обуравляемые желанием как можно скорее
оказаться в раю, они готовы были пойти на любое преступле-
ние, не боясь смертной казни. Их, кажется, называли феодалы
- обреченные. Они совершали самые злодейские преступле-
ния.

Орлов заметил:

- Фашисты, конечно, не исключали воздействие наркотиков
на психику, но, к счастью, это оружие было тогда многими недооценено. А между тем еще в древнем государстве Перу,
где все важные посты, начиная от губернатора и кончая над-
смотрщиками над покоренными племенами, занимали инки,

(*) Маринус ван дер Люббе - человек с большой психикой, был использован гитлеров-
цами для поджога рейхстага.

местное население в поте лица покорно трудилось от зари до зари, не требуя за свой труд должного вознаграждения. Добровольным рабам было достаточно того, что им давали жевать листья коки. Растиртое и перемешанное с золой, это зелье увеличивало их силы и бодрило, рождало в сознании чувство благополучия, которое граничило с полным безразличием к материальным благам. Конечно, нервная система при этом работала с перенапряжением, на износ. Отупевшие, безвольные, равнодушные ко всему, даже ко сну и отдыху рабы беспрекословно подчинялись правителям, по приказу же нились и заводили детей - себе подобных наркоманов, по приказу шли на верную смерть.

Однако вернусь к фашистскому шабашу. На вопрос, поставленный генералом, Бухвальд сказал:

- Безусловно, я учитываю опыт сирийского князя. Но теперь не те времена. Разработанные мною методы поработления более надежны и эффективны.

- Это интересно.

- Может, но не для ушей наших дам. Мой рассказ стал бы слишком скучным, потому что пришлось бы касаться каких-то сугубо научных вопросов. Для меня даже внешность человека имеет значение, ибо внешность - это паспорт характера.

- Совершенно справедливо, - промурлыкал Гельмут. - В своей практике я тоже руководствуюсь данными Чезаре Ломброзо. Смею уверить, этот старый макаронник кое-что смыслил, создавая теорию врожденной преступности.

- Я разбиваю людей на группы согласно их характерам, и с каждой группой "работаю" индивидуально, по особой программе, - продолжал Бухвальд. - Холерики и сангвиники, чаще других подпадающие под влияние аффекта (*), теряющие рассудок в критическую минуту, отделены мною от меланхоликов и флегматиков, которые склонны к раздумьям, анализу своих поступков. Учитываются и национальность, и интеллект, и сексуальные особенности того или иного недочеловека;

(*) Аффект - нервно-психическое возбуждение с утратой волевого контроля вследствие временного выпадения (торможения) деятельности коры головного мозга.

ка; берется в расчет профессия, и даже вероисповедание. При этом мне приходится брать во внимание и внешние условия: давление и температуру окружающей среды, цвет и свет, тишину и звук, ритм бодрствования и сна, питание и химические препараты, запахи, физические упражнения и так далее до бесконечности.

Я отыскиваю способы пробудить в недочеловеке зверя, низменные инстинкты, которыми руководствовались в борьбе за существование наши далекие предки. Волюнтаризм - вот основной рычаг и движитель масс. И Вильгельм Вундт, и Гugo Мюнстерберг были абсолютно правы, придавая волевым процессам основное значение в психической жизни.

После рассказа Бухвальда о своей "научной" работе разговор перекинулся на физиognомику вообще, и тут почти каждый нашел что сказать: ведь эти субъекты причисляли себя к нордическому типу и прекрасно уяснили себе, какими качествами обладает этот тип и каких качеств у него не должно быть.

Потчуря гостей кофе с коньяком, баронесса Гертруда рассказывала, как помогает своему Гансу определять личность и характер ответственных работников завода по их почерку.

- Прежде чем брать или не брать к себе на работу кого-либо, Ганс предлагает им написать свою биографию и показывает мне. А я-то уж точно все решу. Графология - великая наука.

Бухвальд стал расспрашивать баронессу, как она разбирается в почерках людей.

- О, я училась у самого Рудольфа Пофаля, который до войны был едва ли не единственным настоящим специалистом этого дела.

Они заговорили о "симметрии", о "ритме" и "нажиме" при изображении на бумаге знаков, об интуиции и "душевной силе проницательности" графолога.

Бухвальда интересовало, чем руководствуется баронесса, давая оценку владельцу почерка, как определяет темперамент, волю, самостоятельность в действиях и отсутствие самостоятельности.

Германия зависит исключительно от решета водопроводных

Клопс сказал, что при подборе тюремных надсмотрщиков командование СС связывалось с графологом Фридрихом Шнейдером, который помогал "выискивать подходящие хладнокровные преступные натуры".

События в доме Бауэров разворачивались согласно программе, о которой поведал строителям Грубер. Гости разделились на несколько групп, что называется, "по интересам", и обсуждали те же проблемы, только уже в деталях, которые умалчивались за общим столом. Когда речь зашла снова о бомбекке завода, Клопс сказал Гансу фон Бауэрю:

- Вам, барон, все-таки придется зарываться в землю.

- Мы построили несколько дополнительных цехов в сельской местности, рассредоточив их между собой, - ответил директор, - и там выпускаем детали моторов. И надо сказать, добились самых высоких показателей за все время Второй мировой войны. Бомбардировки не смогли помешать росту производства моторов. Теперь намереваемся наладить их сборку в низких незаметных с воздуха помещениях баракного типа, расположенных вблизи автострад. Но нам нужна дополнительная рабочая сила, и я хочу, чтобы ты, Фердинанд, помог нам.

- Сколько рабочих рук вам требуется?

- Тысячонок десять-пятнадцать. И не рук, а голов. Желательно бы из числа советских военнопленных, среди них больше всего технически грамотных. Главное имперское управление безопасности останется не в накладе. Ведь за работу квалифицированного рабочего мы отчисляем пять марок, а за неквалифицированного лишь три.

- Это нам известно, - усмехнулся Клопс. - Знаем мы и то, что тратите вы на каждого заключенного только пятьдесят пфеннигов.

- И еще пятьдесят я положу в твой карман, - тихо сказал Ганс. - Тебе стоит постараться.

- Я сделаю все, что в моих силах, хотя будет и не легко - слишком много заявок на рабочую силу, - ответил Клопс.

Помолчав, он добавил:

- В дальнейшем в целях абсолютной секретности их придется аннулировать.

- Фердинанд, я не собираюсь отнимать у тебя твой хлеб, - это было сказано слишком просто, слишком спокойно. Так говорят, когда хотят успокоить себя.

Но этого "спокойствия" Клопс, что называется, не принял.

- Господин Ганс фон Бауэр, вы умываете руки, чтобы в случае чего...

- Мы делаем одно общее дело, Фердинанд, - перебил его старый барон. - На благо великой Германии, каждый в меру своих сил и возможностей.

- А ситуация такова, что мы должны приложить все усилия, чтобы добиться победы, - в голосе старого звенел металл.

Находясь в подвале, узники невольно подумали об одном и том же: дела у фашистов не настолько хороши, чтобы они, как бывало, действовали без оглядки. Теперь они думали о своей ответственности за совершенные злодеяния.

Торжество в старом замке по случаю выздоровления Курта фон Бауэра было в разгаре.

У подвыпивших гостей развязались языки, и фашисты все чаще позволяли себе говорить то, что не предназначалось для ушей непосвященных.

Когда Гельмут стал рассказывать о правительственном совещании по вопросам geopolитики и расовой теории, которое проводилось в ставке самого фюрера в Восточной Пруссии в Растенбургском лесу и где довелось присутствовать прокурору как специалисту по расовым проблемам, старый барон сказал вполголоса нескольким приближенным:

- Я полагаю, нам удобнее было бы продолжить разговор в кабинете, - и велел прислуге принести туда пунш.

Узники переглянулись.

Ответственный момент приближался.

...И вот гости уже в кабинете старого барона. Отдушина калорифера здесь была расположена так удачно, что Берестов даже слышал, как застонали пружины кресел под тяжестью опустившихся в них туш. Прокурор Гельмут продолжил своим вкрадчивым голосом:

- Фюрер стоит на прежних позициях и считает, что будущее Германии зависит исключительно от решения проблемы не-

достатка пространства. Он надеется решить эту проблему посредством новых сверхсекретных видов оружия. Это позволит нам не просто пресечь вторжение противника, а вынудит англосаксов задуматься о том, что их ждет, когда наше оружие будет приведено в действие.

- Это случится быстрее, чем некоторые могут себе предположить, - прошипел генерал Рейнхольд.

В кабинете воцарилась тишина. Было слышно, как гудел в камине огонь и потрескивали дубовые дрова, обгладываемые языками пламени. Кто-то из собеседников возбужденно попыхивал трубкой.

- Господа, здесь все свои. И я могу сказать, - продолжал генерал поспешно, словно наказывая себя за то, что позволил себе снизойти до того, чтобы насладиться неведением остальных, - новое сверхоружие, о котором в свое время взвестил по радио доктор Геббельс, уже доставлено на боевые позиции. Бог даст, сегодняшней ночью на Лондон обрушатся автоматические управляемые самолеты-снаряды, созданные на базе первого в мире ракетного самолета Г-103 "Киркшерн". Каждый самолет понесет в фюзеляже заряд взрывчатки весом в восемьсот килограммов. Машины будут запускаться с катапульт и лететь со скоростью шестьсот километров в час.

- Наконец-то! - воскликнул Клопс. - Я предлагаю поднять бокалы. Мы сделаем так, чтобы англосаксы заплакали кровавыми слезами.

Но восклицание Клопса было оставлено без внимания. И Берестов не услышал звона хрусталия. Видно, известие Рейнхольда не обрадовало собеседников.

- А какова дальность полета? - после затянувшейся паузы спросил Манфред фон Бауэр.

- Триста километров.

- И сколько стоит такая штука?

- Порядка шестидесяти-семидесяти тысяч марок.

Снова наступила пауза.

А дальше из разговора выяснилось, что фирма, начавшая выпускать самолеты-снаряды, перебежала дорогу Баузрам, которые тоже создавали ракетные летательные аппараты.

- Это так, - проговорил Ганс фон Бауэр. - Но мы не должны забывать об июле сорок третьего, когда англичане произвели массированную бомбардировку Пенемюнде и причинили значительный ущерб ракетному центру. Мы делаем ставку на самолеты, с которых можно будет запускать наши летающие бомбы.

- Ваши конкуренты попытаются использовать "Хайнкель-III", - продолжал Рейнхольд, - об этом разговор шел. Самолеты-носители позволят обеспечить неуязвимость ракетных частей.

Манфред фон Бауэр и его сын Ганс заговорили о продвижении работ по совершенствованию ракетного двигателя для крылатой бомбы. Отец упрекал сына в медлительности и все надежды возлагал на Курта. А Рейнхольд сказал:

- Вряд ли ваши снаряды произведут должное впечатление на фюрера, когда Пенемюнде выбросит главный козырь, - агрегаты А-4. А дела у Вернера фон Брауна идут хорошо, и к осени начнется серийное производство баллистических ракет. Господа, мы первыми переносим театр военных действий в межпланетное пространство.

Генерал не врал. Теперь всем известно, что Фау-2 были для наших союзников по минувшей войне своего рода посланцами из космоса. Ракетный барон Вернер фон Браун, уехавший после войны в США и возглавивший там центр американского ракетостроения в Хантсвилле, был тогда в расцвете сил - ему исполнилось всего двадцать восемь лет, - и он уже работал над межконтинентальной ракетой, которая, по его расчетам, должна была долететь до Нью-Йорка.

Гитлеровцы не собирались "ставить точку на России". Они намеревались создать новую колониальную империю с метрополией в центре Европы, населенной господствующей расой, и продолжить борьбу против английских позиций на Средиземном море и в Передней Азии, перебросить войска в Африку, чтобы вслед за Евразией создать и немецкую Европу. Они хотели подчинить Турцию и Ирак, ликвидировать Гибралтар. Они считали, что крах Англии неминуем, а население Британских островов будет выслано за Урал. По-

сле раздела Азии они намеревались приняться за Америку. Они надеялись, что к тому времени США будут находиться в полной изоляции от всего мира и американцы встанут на колени перед Германией.

...Нервы узников были напряжены до предела. Они ждали взрыва, а часы в кабинете барона все отсчитывали и отсчитывали секунды. В каких-нибудь трехстах метрах от замка строителей ждало убежище под землей.

Сменились часовые возле двери подвала. Теперь узников охранял Болтун.

- Иди, там этот, отставной козы барабанщик, притащил графин шнапса, - сказал он Молчуна слегка заплетающимся языком. - Ох и крепкая штука.

- А ты уж нализался, - констатировал безразличным голосом Молчун.

- Чтобы пребывать в настроении, - и Болтун стал спрашивать свою нужду около подвального окна, бормоча под нос: "Этой ночью или никогда..."

"Молодец Грубер, - подумал Берестов. - Хорошо, если бы Болтун свалился с катушек".

Жорж уже отгреб уголь в сторону и стоял наготове с бревном в руках, которым он должен был ударить по крышке люка, как только взорвется бомба, чтобы это не насторожило охранника, если, конечно, он останется в живых. Руа держал бревно за выступавшие сучки, и оно слегка покачивалось. Жоржа знобило, но Берестов был спокоен за него. Француз волновался за исход операции и боялся, как бы что-нибудь не помешало выполнить задуманное. Разведчик знал, что как только Руа начнет действовать, то сразу же обретет нужное спокойствие. Так бывает и с летчиками, которые находятся в готовности и ждут команды на боевой вылет.

А там, наверху, продолжался разговор Манфреда, Гельмута и Ганса с генералами Рейнхольдом и Клопсом.

Их голоса нельзя было спутать. Отец и сын Бауэры словно соревновались между собой, налегая на "р": Клопс гремел подобно иерихонской трубе; Гельмут мурлыкал, выпуская из

себя воздух через аденоидные образования в носу. А когда начинал говорить Рейнхольд, Берестову казалось, что внутри генерала в это время ставили тупую патефонную иглу на старую заезженную пластинку. Игла скребла ее, перескакивала с бороздки на бороздку, и изо рта Рейнхольда вылетали мертвые скрипучие звуки.

- Сейчас, господа, все внимание будет уделено наращиванию темпов производства ракетного оружия, хотя оно и недешево, - говорил генерал. - Каждая ракета А-4 обойдется рейху более чем в триста тысяч марок. Заказчики получат колоссальную прибыль. Ракетный бизнес, господа, стоит того, чтобы принять в нем участие. И нужно не зевать. Но у нового оружия есть недостаток - не до конца отработано дистанционное управление. Баллистические ракеты, испытываемые на полигоне "Хайделагер", в Польше сбиваются с курса или вообще выходят из повиновения, взрываются в воздухе. В арреле сорок четвертого одна из этих штучек упала в болото в стороне от намеченного центра. Взрыва не последовало, но ее так и не удалось найти. Разведка имперской службы безопасности предполагает, что ракету похитили партизаны...

Заводы радиоаппаратуры получили от рейха все, что необходимо для форсирования работ в области радиотехнических приборов, с помощью которых направляются по определенному курсу ракеты и которые передают данные о скорости и высоте полета. Но проблема не из легких, и быстро создать безотказные автоматические пилотирующие устройства не удастся. Да и стоимость электронного и электротехнического оборудования и приборов точной механики слишком высокая. Она составляет половину стоимости всей ракеты; это в два раза больше, чем стоимость подобного оборудования, которым оснащаются военные самолеты.

Помолчав немного, генерал сказал:

- Вот если бы можно было заменить всю эту радионачинку человеческим мозгом.

Рейнхольд заговорил о князе Боргезе, командовавшем в Италии "Х флотилией", в которую входили подводники-диверсанты и управляемые смертниками торпеды и катера-

снаряды. Когда Италия капитулировала и объявила войну Германии, верный итальянскому фашистскому диктатору Бенито Муссолини князь Боргезе продолжал сражаться на стороне немцев.

- Кстати, любимец фюрера штурмбаннфюрер СС Отто Скорцени, на счету которого немало экстраординарных подвигов, придает большое значение опыту Боргезе, - скрипел Рейнхольд. - Сейчас вице-адмирал Хейе, который командует у нас малыми боевыми соединениями военно-морского флота, опираясь на опыт итальянцев, разрабатывает катера-снаряды, управляемые человеком. Это - для поражения особо важных целей.

- А что вы можете сказать по поводу экспериментов вашего зятя Бухвальда, о которых он нам сегодня рассказывал, - обратился вдруг Рейнхольд к старому барону.

- Они, безусловно, заслуживают внимания и поддержки, - ответил фон Бауэр.

- Тогда создайте ему условия для работы. Если Бухвальд обеспечит вас живым материалом, вы сможете заткнуть за пазуху концерны "АЭГ" и Сименса, изготавливающие радиомозг для ракет барона Вернера фон Брауна, уже не говоря о японцах. Это можно было бы сделать деликатно, и до поры до времени не привлекать внимание к работам Бухвальда. Фрау Гертруда любит заниматься благотворительностью, пусть ей, скажем, придет в голову открыть новую лечебницу для душевнобольных. Там доктор Бухвальд мог бы найти недостающий для себя материал. Мне кажется, правительство тоже пойдет вам навстречу и выделит необходимые средства.

Отец и сын принялись подсчитывать экономию от производства управляемых человеком летающих бомб.

В кабинет вошла Гертруда и сказала, что дамы ужасно скучают без мужчин, просила поскорее заканчивать деловые разговоры и присоединиться к обществу.

- Да, да, дорогая, сейчас докурим сигары и приедем, - проговорил Ганс фон Бауэр.

Узники были как на иголках. Папаше Груберу пора было дергать веревку, связанную с взрывным устройством. Но он

почему-то медлил. "А может, бомба не сработала?" - Берестов старался гнать от себя эту мысль, но ничего из этого не получалось; она как заноза воткнулась в мозг и не выходила.

"Неужели наши старания оказались напрасными?" - думал он.

Между тем Рейнхольд продолжал:

- Надо торопиться, господа. Нашим новым оружием заинтересовались японцы. Техническая документация уже отправлена в Испанию, откуда ее переправят в Страну восходящего солнца. А там всегда хватало фанатиков, верящих в "божественное предназначение" японской нации и готовых во славу императора предложить свои головы в качестве радионачинки. Между прочим, сейчас они работают над управляемой смертниками планирующей бомбой, которая может нести заряд порядка двух тонн. Такие бомбы будут подвешиваться под бомбардировщиками и отцепляться километрах в двадцати от цели.

- Мы сделаем все возможное и даже невозможное. С нами бог! - сказал старый барон. - И мы назовем свои ракеты "Божья кара"!

И вдруг где-то совсем близко от замка Баузеров залаяла зенитка. Узники прильнули к узкому оконцу и сквозь щель в досках увидели, как в темное небо воткнулся узкий, словно лезвие штыка, луч прожектора, а потом еще один. Они медленно раскачивались из стороны в сторону, освещая подбои облаков. Вслед за этим послышался лихорадочный вой полицейских машин.

- Фердаммте! (*) - воскликнул Клопс. - Господа, надо пройти вниз. Кстати, барон обещал продемонстрировать нам нечто необычное, - в его голосе слышалась плохо скрытая тревога.

- Сначала закончим разговор, - прервал его Манфред фон Бауэр.

- Там и закончим.

- Уж не боитесь ли вы, рыцарь? У вас дрожит голос.

- Моя специальность - охранять. Старинная мудрость гласит: отвага - это наука о том, чего следует бояться, а чего нет.

(*) Фердаммте - проклятие (нем.).

И в это самое время послышался шум самолетов. Он нарастал с каждой секундой.

Продолжали палить зенитки. Но стрельба звучала невнушительно, скорее всего, зенитчики "жгли" снаряды для собственного подбадривания.

И вдруг Клопс спросил:

- Что это? Я слышал сзади себя какой-то удар. Будто там за стеной что-то упало.

- И мне тоже показалось, - проскрипел Рейнхольд.

- Это, видимо, от сотрясения воздуха отвалился камень в системе калорифера, - неуверенно проговорил старый барон.

- Давайте и в самом деле закругляться.

Узникам не нужно было задавать друг другу вопросов, подобных тому, который задал Клопс барону. Они поняли: бомба не взорвалась. Заключенная в стальную оболочку смерть по-прежнему спала, как сказочный злой дух в закупоренной бутылке. Положение узников оказалось безвыходным, и папаша Грубер теперь должен был умереть вместе с ними.

А шум моторов уже заполнил все небо.

- Господа, за мной! - скомандовал Клопс. - В убежище...

- Без паники! - оборвал его старый барон. - Пусть наши женщины спускаются вниз, а мы - солдаты, и нам не к лицу терять голову! И вообще, дорогой рыцарь, в этом доме командаю я. Еще не родился тот летчик, который...

Но барон не успел договорить. Где-то позади замка так трахнуло, что даже в подвале у заключенных заложило уши. Жорж отвел бревно в сторону и с размаху ударил торцом по железной крышке люка.

Послышался еще взрыв, потом еще, и узники поняли, что это самолеты бомбят территорию вблизи замка. Они друг за другом стали выбираться по деревянному желобу наружу и через какие-нибудь две-три минуты были уже наверху.

Часового около дома не было. Трусоватый Болтун, наверное, позабылся о себе сразу, как только заухали зенитки. Несколько мгновений беглецы стояли, прижавшись к стене, а потом, пригнувшись, побежали к флигелю, возле которого находился колодец. Его чугунная крышка была чуть приподнята

с помощью воткнутой палки. Папаша Грубер предусмотрел все до последней мелочи, даже землю вокруг облил керосином, чтобы собаки не могли взять след.

Самолеты поочередно, один за другим, обрушивали бомбы на особняк, находившийся неподалеку от замка. И тут Берестов увидел, что это были советские «Пешки». Радость захлестнула его сердце. Никогда раньше он так не ликовал при виде советских бомбардировщиков, хотя они обрабатывали сейчас не ту цель. Отсветы взрывов прыгали по серым стенам замка, по бокам легковых машин, стоявших под деревьями.

Беглецы упали на землю и стали по одному заползать в узкую горловину колодца, сначала просовывали ноги, потом зад и туловище...

Одна бомба разворотила стену, которой было огорожено имение. Взрывной волной высадило стекла в окнах замка, мелко зазвенели осколки.

Берестов видел, как толстый Клопс кубарем скатился с лестницы и побежал к машине, обхватив руками голову. Его бравая немецкая душа задала работу пяткам. С перепугу он даже не сразу нашел свой лимузин. За ним выскочили еще несколько не менее "бравых" офицеров и гражданских. Они метались по стоянке, как ошпаренные тараканы, выкрикивая проклятия. Шоферы заводили моторы, и автомобили срывались с места, таяли в ночи.

"Однако почему же они не остались в замке, - мелькнуло в голове Берестова, - неужели Папаша забаррикадировался в паноптикуме. Не пустил никого. Что же теперь будет с ним?".

Потом Берестов увидел Манфреда фон Бауэра в коляске и его пса. На голове у барона была старая каска с шишаком и кокардой (такие каски немцы носили в первую мировую войну). Снова раздался нарастающий стремительный свист пикирующего самолета, и в это время барон поднял автомат и послал в небо длинную очередь.

Товарищи Берестова были уже в колодце, а разведчик успел засунуть туда только ноги и прижался к земле, ожидая взрыва. Он видел, как бешено плясали на стрельчатой каске барона отсветы молний, изрыгаемых его автоматом, слышал

ответную трескотню крупнокалиберных пулеметов. Летчик принял вызов барона и ответил ему тем же оружием. Что заставило барона выехать на улицу и вступить в бой с летчиком, когда даже зенитчики оставили свою позицию и укрылись в блиндаже, на что рассчитывал старый Бауэр? Скорее всего, безграничная самоуверенность барона, пожелавшего не упустить возможность продемонстрировать перед гостями свой боевой дух и увенчать себя лаврами. А может, он почувствовал, что дни его сочтены и никакая баня уже не воскресит его, и потому решил посмотреть в лицо самой почетной для солдата смерти. Возможно и то, что он надеялся на ночь, которая позволит ему остаться незамеченным. Но летчик засек "огневую точку", и тут барону Манфреду фон Бауэру пришел конец. Его перерезало пулеметной очередью словно ножом.

- На войне как на войне! - услышал Берестов собственный голос. Собака барона была ранена и так жутко выла, что по спине у разведчика бегали мурашки.

Прежде чем взмыть кверху, летчик бросил бомбу. А может, ее сбросили с другого самолета. Взрыв произошел рядом с замком. Взрывная волна придавила Берестова к земле, у него зазвенело в ушах, и он потерял сознание. Когда разведчик пришел в себя и открыл глаза, то обнаружил, что лежит между огромных труб на соломенной подстилке. Где-то в головах горела картонная плошка, бросая тусклые неровные блики на низко нависающие балки. Пахло стеарином, плесенью, крысиным пометом, гнилью. Берестов провел языком по пересохшим губам, оперся рукой о трубу и сел, коснувшись головой тухлявых досок. Тело разламывалось от боли, а звон в ушах все еще продолжался.

Прямо перед ним между труб лежал Зигель. Плеча Берестова коснулись пальцы Жоржа, который сидел у него в головах, возле горевшей плошки, прислонившись спиной к трубе. На коленях у него лежал черный автомат, такой Берестов видел у барона. Несколько позже ему стало известно, что это и был тот самый автомат. Жорж взял его после того, как произошел взрыв возле замка. Он, конечно, рисковал жизнью, когда полз к тому месту, где лежал сраженный

пулеметной очередью барон, но зато теперь беглецы имели оружие и могли постоять за себя.

Зигель тоже приподнялся со своего ложа и спросил у Берестова о самочувствии. Разведчик попытался изобразить на лице улыбку, а голова раскалывалась от боли:

- Подходяще.

Наверное, это было сказано слишком громко, потому что у товарищей Берестова испуганно округлились глаза. Жорж поспешно прикрыл ему рот ладонью, выразительно посмотрев вверху. Они опасались, как бы там наверху не услышали.

Берестов спросил, давно ли они здесь находятся.

Руа покал плечами:

- Наверно, часов десять.

- Грубер приходил?

Жорж отрицательно покачал головой.

- Что наверху?

- День. Гудят машины.

Зигель протянул Берестову кусок хлеба с салом и высокую граненую кружку - в ней был крепкий холодный чай.

Берестов сделал несколько глотков и стал есть. В голове так гудело, словно там поселился пчелиный рой.

- Это результат контузии, должно пройти, - внушал он себе.

- Надо хорошенъко подзаправиться и попытаться уснуть.

Сделал еще несколько глотков и передал кружку товарищам, потом снова лег на спину и закрыл глаза. Он не слышал, что происходило вокруг, но в его сознании то и дело звучали голоса гитлеровцев, приехавших в замок, обрывки песен, барабанная дробь, лай зениток, пулеметная трескотня и взрывы бомб. Берестов все силился вспомнить что-то важное, но эти звуки ему мешали, а потом мысли его стали путаться и на него навалился сон.

И привиделось разведчику, что он разговаривает с Орловым, докладывает о выполнении задания.

- Филиал Бауэров по производству крылатых бомб с ракетным двигателем находится в горах, на границе двух государств, выступающих на стороне держав оси Рим-Берлин, - и Берестов называет ему эти государства.

- Нужны координаты, - говорит Орлов.

Нет, разведчик пока не может их назвать, потому что не знает. Ему известно только то, что леса, обступающие это предприятие, когда-то были любимыми охотничими угодьями королей.

- Это мало, - говорил Орлов. - Куда мы будем нацеливать нашу авиацию? Нет, Берестов, ты не выполнил задания. Тебе надо вернуться на завод Бауэров. Надо, надо, надо... - и тут Берестов проснулся. Сон немного освежил его. Голова не так сильно болела, и звон в ушах почти исчез.

Берестову опять протянули кружку с чаем и дали хлеб с салом. Он ел с удовольствием, чувствуя прилив сил; забрасывал товарищем вопросами о том, что произошло нового за то время, пока он спал.

В имение привезли строительный материал: камни, кирпичи - было слышно, как их сгружали. Время от времени доносились голоса, среди них слышна была и русская речь. Видимо, сюда пригнали новую партию заключенных и начались восстановительные работы.

Жорж обследовал старые подземные коммуникации и обнаружил ответвление, идущее к замку. Не исключалось, что оно где-то сообщалось с домом. Чтобы определить это, требовалось расчистить несколько завалов, которые произошли под землей из-за ветхости сооружений.

Папаша Грубер так и не дал о себе знать, и это обстоятельство беглецов очень тревожило. Могло случиться всякое. Ведь не взорвалась же бомба, которую подложил он. Почему? И что если ее обнаружили, и теперь над Папашей нависла смертельная опасность? А может, он действительно никого не пустил во время бомбёжки в паноптикум и его за это уничтожили, а может, он погиб во время налета?

Во время налета! Чем можно было объяснить этот налет, думал Берестов, ведь никогда раньше стариные поместья баронов не привлекали внимание бомбардировщиков. У советских летчиков были цели поважнее. Почему вдруг именно в тот вечер прилетели сюда самолеты? Выходит, знали о сборище у Бауэра? Но кто мог сообщить летчикам? Строители хотели, но им так и не удалось связаться с Яном Гулой.

И вдруг, словно молния, пронзила мысль: "Дядя Вася! Он передал то, что не смогли передать строители".

Берестов вспомнил ночной разговор с ним, его опасение, что бомба может не взорваться, а потом его слова после окончания... "Так надо... Только бы мне не потерять сознание раньше времени... Я должен добраться... Увидеть Яна Гула..."

- Он же специально выплеснул на себя кипяток, чтобы был предлог выбраться отсюда и передать Яну Гуле о приезде в замок важных персон, - сказал Берестов.

- И мы так подумали, - ответил Макс. - Чтобы подстраховать нашу бомбу. Как видно, она и в самом деле оказалась непригодной. Или взрывное устройство Грубера не сработало. Только почему основной бомбовый удар был обрушен на соседнюю территорию?

Берестову вспомнился круживший накануне воздушного налета разведчик. Может, так получилось по его вине?

- Если бы не дядя Вася, - сказал Жорж, - мы сидели бы сейчас не в этом подземном царстве-государстве, свободные и с оружием в руках, хоть и в окружении врагов, а в подвале под охраной эсэсовцев.

- Наш дорогой, славный дядя Вася, - сказал Берестов. - Я чувствовал сердцем, что его уже нет в живых. Он не цеплялся за жизнь, как это делают многие в минуту смертельной опасности, он отдал ее за правое дело и погиб, как герой.

- Есть предложение, - сказал Берестов, - почтить его память молчанием.

Жорж достал флягу со спиртом, оставленную Грубером.

Несколько минут беглецы сидели молча. Горела плошка. В ее слабом неверном свете их лица казались еще более изможденными. Затем Жорж налил спирт в крышку фляги и передал Берестову - тот сделал глоток. Вслед за ним выпили и остальные.

Они ели хлеб с салом и тихонько разговаривали о дяде Васе, вспомнили, как он отдавал всего себя строительству, желая показать чванливым баронам, что узники не лыком шиты и не лаптем щи хлебают. Ему хотелось, чтобы баня вышла на славу. На славу русскому народу.

- А ведь он знал, что обречен, и конец его близок, - сказал Берестов. - Пусть память о нем останется в наших сердцах.

Потом заговорили о Грубере. Беглецов тревожило то, что он не давал о себе вестей.

Напрасно они пытались уловить знакомые звуки барабана, извещавшие о наступлении завтраков, обедов и ужинов. Барабан молчал. Почему? Неужели с Грубером действительно что-то случилось, - думали они. - Или после того, как не стало старого хозяина, порядки изменились?

Беглецы подсчитали, что при экономном расходовании пищания и воды они смогли бы продержаться под землей дней десять. Плошеч для освещения было несколько десятков штук, и они решили беречь и то и другое.

- Если с Грубером ничего не случилось, он поможет нам выбраться отсюда, скажет, когда и как это сделать, а если его схватили, то все значительно осложнится, - сказал Берестов.

- Его будут пытать и сделают все, чтобы развязать ему язык. Если он не выдержит пыток и все расскажет, нам крышка. Нет, мы не можем задерживаться здесь. Нужно уходить. Но куда и как?

Посовещавшись между собой, беглецы решили установить у люка дежурство, чтобы слушать, что происходит наверху.

И вот потянулись томительные часы. Уже вовсю заливались птицы на деревьях; до беглецов доносились отдельные голоса со стороны забора; видно, узников снова выгнали на работу.

Время от времени слышалось тарахтенье моторов. Одна машина проехала так близко от люка, что беглецы почувствовали, как сотрясается земля. А потом все стихло.

И тут в Берестове заговорил разведчик:

- А что если выбраться наверх и оценить обстановку, попытаться выяснить, находится ли в замке Папаша Грубер?

- Это лучше, чем ждать у моря погоды, - сказал Руа. - И я готов попытаться...

- И я тоже, - сказал Зигель.

- Вы оба не спали. А поэтому разрешите мне. К тому же в этом деле у меня есть некоторый опыт, - сказал Берестов.

Его товарищи не стали возражать.

- Будь осторожен, - тихо сказал Зигель.

- Постараюсь, - Берестов попытался улыбнуться.

Беглецы долго прислушивались к тому, что происходило на улице. Ведь можно было допустить ошибку и жестоко поплатиться за это всем. Потом Берестов добрался по скобам до люка и прислушался. Только отдельные птицы перекликались между собой. Он чуть надавил плечом на дверцы люка. В об разовавшуюся щелку проник бледный луч света. Смеркалось. На миг в полосу зрения попали заключенные в куртках, воздвигавшие разрушенную бомбой ограду.

А когда спустя какое-то время разведчик снова приоткрыл крышку, то увидел звезды на небе.

На прощанье беглецы расцеловались, Берестов выбрался из убежища наверх, прихватив с собой автомат старого барона, закрыл за собой крышку люка, отполз к кустам и долго сидел без движения, до предела напрягший все свои чувства.

Было тихо, но он знал, что тишина могла оказаться обманчивой. Пахло дымом и гарью. Осторожно держа автомат наизготовку, Берестов приблизился к замку. Его глазам, привыкшим к темноте, удалось различить четыре огромных воронки от взрывов бомб. Одна бомба разворотила крыльцо замка и часть стены, выбила в доме чуть ли не все окна, и теперь опаленный пожаром замок смотрел на мир зияющими проемами, другая - разрушила каменный забор со стороны леса, еще две бомбы особого вреда не причинили, так как упали в стороне, неподалеку от пруда.

Забор уже почти заделали такой же кирпичной кладкой, воздвигалось и крыльцо с полукруглыми лестницами и башенками на перилах. Хозяева, видно, решили сделать все так, как было до разрушения.

В котельной, где раньше "жили" убежавшие узники, теперь находились другие заключенные и охраняли их другие эсэсовцы. Берестов видел, как происходила смена часовых.

Разведчик смотрел на окна замка в надежде увидеть знакомую квадратную фигуру Папаши Грубера. Но тщетно.

На востоке появились первые проблески зари, и Берестов стал пробираться к спасительному колодцу. Он был уже в нескольких шагах от цели, когда увидел впереди невысокого человека в военной форме. Разведчик прижался к земле. Человек медленно шел по парковой аллее, понурив голову. Вот он остановился в нескольких шагах от Берестова, тяжко вздохнул и побрел дальше. Он прошел мимо в каких-нибудь двух-трех шагах. На нем не было фуражки, и прямые, как струны, пепельные волосы были зачесаны назад, открывая высокий покатый лоб с большими залысинами, уступом нависший над глубоко посаженными глазами.

Под тонким хрящеватым носом с горбинкой топорщились небольшие усики. Берестов затаился. Если бы человек посмотрел в его сторону, то увидел бы разведчика.

Не требовалось быть физиономистом, чтобы определить, что это один из отпрысков баронов Бауэров, и, судя по всему, тот самый Курт, к приезду которого здесь все так долго готовилось. Он бродил по своим пенатам в глубокой задумчивости, опустив голову, потерянный и беспомощный. Ну что ж, было о чем подумать этому махровому фашисту, потерявшему в войне своих жену и деда. Недаром говорят: как аукнется, так и откликнется.

Подойти к нему сейчас сзади тихонько и треснуть рукояткой автомата по его продолговатой нордической башке - это решение пришло к Берестову раньше, чем он успел о чем-то подумать. Мышцы его напряглись, как натянутая тетива; они готовы были привести в действие тело, изготовленное к прыжку. Но тут же разведчик остановил себя. Ведь куда-то его после этого нужно было деть. А куда? Ну спустил бы его в канализационный колодец, а потом? Курта стали бы искать, исчезнуть бесследно он никуда не мог, потому что все кругом уже снова замуровано камнями, у ворот - часовой. Перерыли бы все, но нашли бы. И Бауэра, и беглецов. Нет, осложнять и без того сложное положение товарищей Берестов не мог, не имел права рисковать. Пусть уж лучше этот барончик бродит и думает свою горькую думу. А от наказания за свои действия никуда не уйдет. Рано ли, поздно ли, а ему придется держать ответ за свои преступления. Если, конечно, его не прикоштат

еще раньше, - так думал Берестов. А Курт все ходил и ходил, словно помешанный, по одной и той же аллее, погруженный в раздумья. Монотонно, размеренно поскрипывали его сапоги. И разведчик не мог приблизиться к колодцу. А между тем уже начало светать, стали прорисовываться ветки и листья на деревьях. Вовсю заливались птицы; они радовались новому дню, а у Берестова затекли ноги от напряжения.

Он вспомнил о других колодцах на территории имения и решил, что нужно как можно быстрее забираться в один из них.

Стал отползать от того опасного места, где как призрак маячил Курт фон Бауэр. Осторожно отодвигая в сторону ветки, чтобы не хрустели под тяжестью тела, то и дело оборачивался назад, желая убедиться, что никем пока не замечен. Когда отполз на сотню метров, встал на ноги и, низко пригнув голову, пошел вдоль изгороди из кустарника, растущего по краям аллеи.

Его путь лежал мимо бани, и разведчик остановился, оглядывая ее от конька на крыше до фундамента. Баня не пострадала от бомбежки, стояла, как наряженная в кружева невеста. В следующее же мгновенье он вспомнил дядю Васю, горло сдавило спазмой.

Мелькнула мысль: заглянуть на секунду в баню, благо двери были открыты. Он зашел туда - сначала в предбанник, а затем в парную, где пахло распаренным деревом и лизоформом, - и сразу почувствовал здесь себя как дома и вдруг решил укрыться под пологом, где строители первоначально хотели установить бомбу.

Не мешкая, осторожно вынул из гнезда одну из досок, которыми был оббит полок, возле самой стены (в отличие от других она не была прибита), заполз туда и поставил эту доску обратно. Места здесь было достаточно, чтобы растянуться на стружках во весь рост, можно было и сесть.

"Отличный наблюдательный пункт, - подумал разведчик, - если бы только щелочка была между бревен". Стал потихоньку выщипывать мох. Когда пальцы уже не смогли прихватить сухие колючие стебли, нашел на земле гвоздь и проделал дырочку. Прильнув к ней, он мог разглядеть очертания замка,

испещренного следами осколочных попаданий, тускло мерцавшую гладь пруда.

Проковырял еще отверстие в другой стене и теперь мог видеть, что происходит со стороны центральной аллеи, идущей от замка к воротам.

А мысль разведчика работала в одном направлении: "Как там, в колодце, отнесутся к тому, что он не вернулся к сроку. Только бы не вздумали предпринимать какие-нибудь шаги".

Потом Берестова стало клонить ко сну. "Сейчас не хватало только уснуть". Он больно ущипнул себя за руку.

Скоро совсем рассвело. Послышалось урчанье мотора. Разведчик прильнул к щели и увидел едущую по аллее грузовую машину, доверху наполненную каменными плитами.

Из кочегарки вывели заключенных. Десять человек. Началась разгрузка машины. Каменные плиты спускали на землю по настилу из толстых досок.

Когда машина уехала, заключенные стали таскать плиты к крыльцу. Высокий худой эсэсовец с лошадиным лицом давал указания. Это был начальник карцераunterштурмфюрер Зуммер.

Потом Берестов снова увидел Курта. Фашист брел усталой походкой вдоль берега, заложив руки за спину, по направлению к бане. Мундир плотно обтягивал его тело, как корсет, и был украшен орденами и серебряной нашивкой - знаком ранения. На рукаве - повязка из черного крепа.

Теперь разведчик мог рассмотреть Курта получше, и первое, что ему подумалось - это то, что все Бауэры удивительно похожи друг на друга, и вместе с тем каждый разительно отличался один от другого. Не обликом, не манерами, а какими-то другими, уже приобретенными качествами.

На лице старого барона лежала печать тупой самонадеянности, прусско-германского властолюбия. Ганс, уже не такой крупный и величавый, не такой кичливый, был не лишен некоторой респектабельности, старался держаться джентльменом, и вместе с тем в нем было что-то мелкотравчатое, трусливое и циничное. Курт был пониже Ганса. Тонконогий, поджарый. Острые плечи подняты кверху и чуть подались вперед, будто он однажды продрог до мозга костей, да так и не

может согреться. Эта "замороженность" Курта чувствовалась в каждом его движении. Держался он сдержанно и обособленно. И, как видно, принадлежал к категории думающих нацистов. В светлых глубоко посаженных глазах Курта угадывалась мысль.

Бауэр медленно обошел баню, а потом оказался внутри, и Берестов услышал, как поскрипывают сапоги фашиста, позвякивают ордена. Курт находился в бане несколько минут, но они показались разведчику вечностью. Вот немец присел на нижнюю ступеньку полока, побарабанил пальцами по доске. Берестову почудилось, что он уже не однажды слышал этот мотив. Ну, конечно, это военный марш, который так любил Манфред фон Бауэр. Курт, очевидно, думал о деде, которого так и не застал в живых. Он и пришел сюда, в русскую баню, только потому, что она была построена по указке деда. Баня не потребовалась старому барону, и Курт, возможно, думал, что с ней делать дальше. Связывал ли он как-нибудь эту баню со смертью своего деда? Скорей всего нет, если, конечно, фашисты не разоблачили Грубера. Где Папаша, что с ним? - вот что больше всего занимало Берестова теперь.

Курт с шумом вобрал в себя воздух, и с таким же шумом выдохнул его; не спеша поднялся с полка и направился к выходу. А по берегу пруда уже бегал все в той же каске с паучьим знаком его сын Фриц; приседая на колено, он стрелял из игрушечного пулемета в сбитые с пьедесталов взрывной волной статуи и кричал "Хенде хох!". ложился на траву и, бросая гранату, полз, энергично работая локтями. Как видно, он был уже изрядно напичкан немецкой кинохроникой, прославлявшей боевой дух германского солдата.

Увидев отца, Фриц бросился ему навстречу. Отец расставил руки и, подхватив сына, поднял кверху над головой, тихо засмеявшись. Вот наконец он спустил мальчугана на землю, и они пошли к дому, разговаривая между собой.

Берестов видел, как они, держась за руки, поднялись по шатким деревянным ступеням к парадному входу и скрылись за тяжелыми дубовыми дверями, которые устояли даже при бомбежке.

Появилась знакомая женщина в платье мышиного цвета, что приносила строителям обед. Сказала несколько слов Зуммеру, тот построил узников и повел в кочегарку, где, видимо, их ждала еда.

После завтрака заключенные устанавливали и подгоняли мраморные ступени крыльца. Грузовики привозили строительный материал.

Из замка доносилась заупокойная органная музыка.

Подъезжали легковые машины. У выходивших из них на рукавах были траурные повязки. Берестов увидел пухлого Гельмута с женой, толстого Клопса, аккуратного Бухвальда - тех, для кого была предназначена бомба. Но она не взорвалась. А от бомбекки (если не считать хозяина замка Манфреда) из "старых знакомых" пострадал Рейнхольд. Нога у генерала была в гипсе, и его вытащили из машины под руки два дюжих эсэсовца и посадили в то самое кресло-коляску, которая служила Манфреду фон Баузеру.

После обеда приехали военные оркестранты с духовым инструментом, ослепительно блестевшим на солнце. Музыканты встали в стороне и стали исполнять реквием. Посыпалось траурное песнопение.

Когда солнце начало клониться к горизонту, состоялся вынос гроба с телом барона. Баронесса Гертруда и другие дамы как по команде пустили в ход носовые платки. Гроб поставили на лафет самоходной пушки, увитый черными лентами, убранный венками. Провожающие выстроились сзади. Самоходка медленно покатилась по одной из аллей. Похоронная процессия шла вслед за гробом.

Траурная музыка постепенно затихла, и снова наступила тишина.

Старого барона похоронили в дальнем конце парка, в домашнем пантеоне. Там находился родовой склеп Баузеров. Такие пантеоны были теперь у немцев чуть ли не в каждой богатой семье. Посеявшие ветер пожинали бурю.

На какое-то время Берестов совсем забыл о своем положении и ему стало казаться, что его разведывательная группа

продолжает действовать и он сейчас выполняет одно из очередных заданий Орлова.

И Берестову снова пришли на память слова командира: "До тех пор, пока в строю остается хоть один человек, боевой отряд существует".

"Да, я живу, держу в руках оружие, и Клопс глубоко ошибается, думая, что наша группа разгромлена, - говорил себе Берестов. - Я ее полноправный представитель и должен сделать все, чтобы она действовала. Мне есть на кого опереться. Жорж Руа и Макс Зигель - достойные продолжатели нашего дела. Мы фактически составили ядро группы, которая пополнится новыми людьми, связанными с партизанским отрядом..."

Когда наступили сумерки, возле бани появились Курт Бауэр и Клопс. Клопс, как всегда, был оживлен, возбужденно размахивая руками, хотя уже и не смеялся, как прежде, а Курт молчал, рисуя носком до блеска начищенного сапога какую-то фигуру на земле. Ах, как хотелось Берестову садануть по ним из автомата.

Вечером легковые машины уехали, а в замке кто-то долго играл на органе. В числе покинувших дом был и внук старого барона Курт фон Бауэр.

Ночью Берестов вернулся к своим. Беглецам пришлось немало переволноваться за время, пока его не было с ними.

- Мы с Максом ни о чем не могли говорить, а думали только, как там наш москве Нел, - обнимая Берестова, сказал Жорж, выслушав его рассказ об увиденном.

Однако беглецы не теряли времени даром, расчистили залы в старых подземных коммуникациях на территории замка и обнаружили подземный ход.

- Я сразу догадался: это то, что в свое время искали и не нашли Клопс с Куртом, - сказал Макс Зигель.

- И что же? - разведчик сгорал от нетерпения.

- Свод выложен из того же камня, что и замок, - продолжил рассказ Руа. - И мы рискнули обследовать его. Больше всего боялись обвала, что нас могло бы навсегда разлучить.

Руа сказал, что выход из подземелья был заполнен водой. Но это не особенно удивило товарищей. Ведь туннель и предназначался для того, чтобы по нему шла вода в замок. Она оказалась довольно чистой, и на поверхности плавали зеленые водоросли. Это говорило о том, что водоем находится под открытым небом, где-то совсем рядом. Беспокоило другое: достаточная ли ширина прохода в воде, чтобы можно было выбраться наружу (ведь за долгие годы существования туннеля горловину могло изрядно размыть), не окажется ли там какой-нибудь решетки, которая преградит путь.

Жорж решил обследовать подводную часть туннеля. Раздевшись, погрузился в воду (она оказалась довольно холодной) и стал шарить руками по потолку свода. Он заворачивал кверху.

- Погаси фонарь, - попросил Руа Зигеля. И когда стало темно, они увидели светлые блики на воде. Руа тотчас же нырнул под свод и через пару секунд уже стоял с высунутой из воды головой в небольшой расщелине возле горной речушки. Он видел на склоне горы изрешеченные пулями мишени танков и гильзы от снарядов, а поверху шло проволочное ограждение. Ущелье, видимо, использовали как военное стрельбище. Откуда-то сверху донесся шум моторов - было похоже, что неподалеку проходила дорога.

Жорж снова окунулся с головой в воду и через две секунды был рядом с Зигелем. Рассказ Руа не мог не взволновать Берестова. Куда девалась усталость, которая сковывала все его члены. И он крепко обнял француза.

- Надо уходить, - сказал Зигель. - Папаша Грубер, как видно, попался.

- Да, нужно, - согласился Жорж.

- Однако было бы неплохо попытаться освободить находившихся в подвале узников, - сказал Берестов. - К тому же нам не помешает лишний автомат. (Эта мысль пришла разведчику еще днем, когда он наблюдал из бани за работавшими на территории заключенными). Они могли бы влезть в нашу группу.

Некоторое время товарищи обдумывали предложение Берестова. Потом Жорж пожал его руку в знак согласия.

Операцию по освобождению узников беглецы разрабатывали сообща и продумали ее во всех деталях. Ждали непогоды, которую им обещал Зигель.

- Мои ноги точнее барометра. Никогда не подводили, - сказал он. - Вот увидите - завтра будет дождь.

И точно. Дождь зарядил с утра и весь день лихо барабанил по чугунной крышке люка, и беглецы теперь боялись только одного, как бы он не перестал к ночи. Однако их опасения оказались напрасными - счастье продолжало им улыбаться.

В глухую полночь, когда часы в замке дважды перекликнулись между собой, беглецы осторожно покинули подземное обиталище и стали подкрадываться к дому.

Часовой укрылся от непогоды под навесом маленького декоративного балкона, прилепившегося чуть в стороне от дверей подвала, где находились заключенные. Балкон не мог отградить стражника от непогоды, и эсэсман закутался в черный kleenчатый капюшон, стоял, не двигаясь, словно каменное изваяние, прислонившись спиной к стене и прижав к груди автомат. Подойти к часовому можно было только спереди, что в значительной мере усложнило все действия. Потом беглецы увидели, как он дважды клюнул носом - значит, дремал. Может, он бы и не заметил, если бы они вдруг поднялись с земли и тихо подошли к нему. Однако уверенности в этом у них не было. Ему ничего не стоило одной короткой очередью скосить всех. Беглецы, конечно, могли снять его из своего автомата, но это неминуемо привлекло бы внимание других обитателей замка. Надо было ждать, пока он не начнет ходить. Но дождь вряд ли заставил бы его выйти из укрытия. И тут Берестову пришла в голову мысль, которая не была предусмотрена планом узников. Разведчик нащупал на земле камушек и кинул его на крышу дома. Он глухо стукнул по железу и покатился вниз, неожиданно подняв в ветвях деревьев птичий переполох. Эсэсовец отскочил от стены, повернулся к дому лицом и задрал голову кверху, пытаясь выяснить, что нарушило его покой, на всякий случай выставил кверху ствол автомата. И одновременно с этим Берестов выпрямился во

весь рост и бросился на часового, оглушил его прикладом по голове.

Быстро оттащив охранника в кусты, беглецы сняли с него форму; ее тут же надел Зигель и встал у дверей подвала. Берестов и Руа спустили эсэсовца в находившийся поблизости канализационный колодец и подошли к Зигелю. Ключа от двери в карманах стражника не оказалось. Они уже хотели сломать запор, но тут послышались чьи-то шаги. Жорж Руа и Берестов упали на землю возле стены, а Зигель нагнулся к ботинку и стал завязывать будто бы развязавшийся шнурок. По аллее шли два эсэсовца.

- Эй, Пауль, - крикнул один из них, - давай топай домой. Да брось ты свой ботинок, все равно сейчас стаскивать будешь. Ну и погодка, черти бы ее побрали. Сейчас бы с фрейлин под пуховичок...

Зигель ждал, когда разводящий и часовой подойдут вплотную.

Один из охранников остановился около Зигеля, а второй, заметив что-то темное у стены, шагнул туда, чтобы рассмотреть. Зигель разогнулся, словно пружина, и ударил автоматом по лбу часового. Удар и вслед за тем падение часового заставили обернуться его напарника. И в это время Берестов вскочил с земли и бросился на него сзади, схватил за горло. Тут же подоспевший Жорж нанес замычавшему от удушья разводящему сильный удар в живот.

Все это произошло в считанные секунды.

Дальше события разворачивались с неменьшей стремительностью. Оба часовых, предварительно вытряхнутых из военной формы, нашли место в том же колодце, мундиры их тотчас же надели вместо полосатых курток Берестов и Жорж. Во время переодевания провели короткое совещание.

Беглецы знали, что в их распоряжении очень мало времени. Вот-вот должны были вернуться в охранное помещение разводящий и сменившийся с поста часовую. Задержка эсэсовцев могла насторожить кого-либо из бодрствовавших охранников. В кармане у разводящего был обнаружен ключ от подвала. Не мешкая открыли замок и откинули задвижку.

Макс Зигель ворвался в подвал и громко сказал, чтобы узники быстро выходили на улицу.

- Скорей, скорей, - торопил он. - Кто не успеет - погибнет.

Ничего не понимая, заключенные хватали свои вещички и выбегали наружу, где их ждал Жорж Руа. А Берестов тем временем уже подбежал к колодцу и открыл люк.

- За мной! - скомандовал Руа. - Быстро, быстро! - И он побежал по направлению к люку.

- Все вниз, скорей! - говорил Жорж, помогая узникам забраться в колодец.

Зигель спустился последним, закрыл за собой крышку и вздул "летучую мышь". Заключенные, согнувшись в три погибели, пошли за ними вдоль труб, свернули в нужном месте в сторону.

- Теперь следует опуститься на колени и ползти по узкому проходу... - сказал Берестов вызволенным из подвала узникам.

Вдруг один из них резко взял разведчика за руку и спросил, куда ползти?

- Узнаете, - сказал Берестов.

- Нет. Вы должны сказать немедленно, - у заключенного был волжский окающий говор. Его пальцы непривычно крепко сжимали запястье Берестова. В них чувствовалась сила. Зигель приблизил фонарь к его лицу. Оно не было изможденным до предела, как у тех узников, которые провели в лагерях уже некоторое время, просто этот человек был сухощав, с пронзительным взглядом темных прищуренных глаз, черный, щупловатый. На мгновение Берестову показалось, что этот невольник попал в лагерь недавно.

- Мы укажем вам путь к свободе, - сказал разведчик.

- Вы уверены в этом?

- Настолько, насколько можно быть уверенными в данных условиях.

- Вот именно. Одно дело - убрать часового и другое - пробиться горстке почти невооруженных людей сквозь эсэсовские кордоны.

- Мы убрали троих, - сказал Жорж. - И у нас теперь четыре автомата.

- Тем лучше для нас с вами, чтобы прихватить и те, что остались в караульном помещении. А заодно и мундиры. Только нужно не мешкать. Кстати, у вас один автомат лишний. Это для меня.

"Может, провокатор", - мелькнуло у Берестова в голове.

- Не беспокойтесь, - пальцы чернявого продолжали сжимать руку разведчика, словно для того, чтобы рассеять его сомнения. - Я знаю, что говорю, - и он круто повернул назад. - Надо торопиться, пока там не подняли шум. Уходя, нужно гасить костер...

Берестов невольно вздрогнул. Эту фразу часто повторял командир партизанского отряда.

- Если он даже просто чадит... - продолжил Берестов словами Парамонова и тотчас же замолк.

- Это может навести на след, - закончил чернявый знакомую фразу и снова сжал руку Берестова.

Теперь разведчику все стало ясно. "Этот человек из партизанского отряда. Может, он переброшен на поиски остатков группы Орлова, - подумал Берестов. - Догадался ли он, кто я".

- Как Вас звать? - спросил он заключенного.

- Василий Ермилов.

Это имя ничего не сказали Берестову.

- А Вас? - как бы между прочим поинтересовался Ермилов.

- Нил Савостин.

- Мне что-то говорили о Вас в лагере.

- Кто говорил?

- Кажется, его звали Иваном. У него какая-то деревянная фамилия. Не то Елкин, не то Бerezkin.

Берестов на мгновение остановился.

- Вы здесь за саботаж на электростанции, - продолжал Ермилов.

Сомнения у разведчика не оставалось: этот невысокий мускулистый человек был из партизанского отряда. Он попал на завод Бауэров по заданию Парамонова.

- Руя, отдай ему второй автомат, - сказал Берестов.

- Ты так считаешь? - француз не спешил с выполнением этой просьбы.

- Считаю, - твердо сказал Берестов.

Когда беглецы снова приблизились к горловине колодца, Ермилов сказал:

- Всем выходить отсюда нет смысла. Мы только будем мешать друг другу. К тому же полосатые одежды могут привлечь внимание. Охранники живут во флигеле за домом Бауэров. Теперь их там осталось полдюжины, не больше. И я знаю всех как облупленных. В первую очередь нужно убрать караульного начальника и оборвать телефон. Со мной пойдут Петро, Анатолий, Борис и Сережа. Ну и, конечно, вы - он показал на Руя и Зигеля. А Вы, Нил, останетесь с остальными. Будете нас встречать. - Он говорил непрекаемым тоном, как говорят уверенные, наделенные полномочиями люди.

- Они и без меня обойдутся, - сказал Берестов.

- Кто-то должен оставаться здесь, на случай если наш отход потребуется прикрывать. И тогда вам придется потруднее всех. - Он положил руку на плечо Берестова и сжал его один раз и второй. Было похоже, что он что-то не договаривал. И тут в голову Берестова запала мысль: "А что если среди этих людей в полосатых робах находится настоящий провокатор. И его нужно хорошенько стереть, чтобы не испортил обедню..."

Уходя, Ермилов сказал:

- Сделайте так, чтобы никто не пострадал из этих ребят.

- Сделаю. Это убежище устояло против бомб, а пули и по-давно не достанут тех, кто остается.

- Вот и отлично.

Берестов отполз метров на пять от колодца и залег в канаве. Ему хорошо был виден замок с незрячими окнами. Флигель, где жили охранники, находился за ним. Берестов прислушивался к ночной тишине, ожидая выстрелов. Но кроме шума дождя, да сонного переклика ночных птиц на деревьях его ухо ничего не улавливало. Один из заключенных тоже попытался вылезти из колодца, но Берестов велел ему немедленно скрыться, и беглец нехотя повиновался.

Часы в замке пробили три утра. Их разноголосый перезвон в залах только подчеркнул безмолвие усадьбы.

"Как сквозь землю провалились", - подумал Берестов об ушедших товарищах, и в эту секунду в одном из окон замка

вспыхнул неверный свет. Мелькнула тень, а потом снова все погрузилось во тьму.

Берестов лежал как на иголках и не знал, что предпринять. "Может, ребята уже погибли в рукопашной схватке", - мелькнуло в его голове, но он тотчас же отогнал непрошеную мысль. Без выстрелов здесь бы не обошлось. Ему показалось, что прошла вечность, прежде чем он увидел идущего к колодцу Руя и еще двух человек из числа заключенных с узлами под мышкой.

- О-ля-ля! - сказал Жорж. - Этот мосье Ермилов - лихой парень. Молния! Я моргнуть не успел, как он разделся с начальником караула, вышедшими на улицу посмотреть, почему задержались с возвращением разводящий и сменившийся часовой. А потом мы сообща обезвредили тех, кто бодрствовал. А остальные как спали, так и будут спать - теперь уже до второго пришествия. Амуницию их пришлось реквизировать для наших товарищай. А у вас как тут?

- Порядок.

- Тогда иди в замок. С парадного. Ермилов ждет тебя со своими ребятами. Зигель тоже там. Будет разговор с директором.

- Он здесь?

- И он, и баронесса. Мы их прямо с постели подняли. Ганс в обмороке, а Гертруда не может взять в толк, что с ней произошло все наяву.

- Ну дела, - Берестов просто не верил ушам своим, хотя и не раз убеждался, что то везенье опытных разведчиков, которому удивляются иные, объясняется их умением искусно использовать малейшую возможность.

- Никому не разрешай выходить из колодца, - тихо сказал Берестов Жоржу.

- Уже предупрежден, - ответил француз. - Топай скорее. У нас еще много дел.

Около входа в замок Берестова ждал Зигель. Он взял разведчика за руку, потащил в спальню директора.

- Смотри-ка как все обернулось, - сказал Макс. - Кто бы мог подумать.

Никогда в жизни Берестов не видел таких огромных спален, и кроватей таких не видел. Не кровати, а Ноевы ковчеги. В каждую можно уложить по дюжине богатырей. Стены были затянуты шелковыми гобеленами. На полу лежал ковер из шкур белых медведей, начисто заглушавший шаги. А над кроватями висела огромная копия с картины Леонардо да Винчи "Леда и Лебедь". Это про нее как-то фривольно отозвался в подвале толстый Болтун, не зная, что оригинал ее висел в кабинете фюрера.

Одно окно было открыто, пахло нашатырным спиртом и валерьянкой.

Директор еще не пришел в себя. Лежал в шелковой пижаме, уткнув голову к груди. Рядом находилась его искусственная рука с привязанными ремнями в черной кожаной перчатке.

- Что вы... собираетесь с нами делать? - спросила Гертруда, застегивая и расстегивая верхнюю пуговицу капота.

- Прежде всего задать несколько вопросов. Я понимаю, что тут при свете жалкого фонаря неудобно вести разговор, - говорил Гертруде на чистейшем немецком языке Василий Ермилов (на нем уже был мундир эсэсовца). - Да и нарушать светомаскировку не хотелось бы. Вы ведь теперь знаете, к чему это может привести. Настоятельно прошу перейти во внутренние покои замка.

- Здесь таковых нет, - резко сказала Гертруда.

- А рыцарское зало, где барабаны, - заметил Зигель. - Подходящее место.

- Я не могу оставить Ганса без присмотра. У него слабое сердце.

- Фрау, наши желания совпадают, - сказал Ермилов. - Он последует с нами.

- Но ему же дурно. И он не сможет идти.

- Нас тут много, поможем, - он дал знак своим товарищам. - Они подхватили обмякшее тело Ганса фон Бауэра и потащили к выходу. - И вы, фрау, поспешайте.

- Мне нужно одеться.

- Это само собой. Кстати, и вашему супругу тоже. Прихватите его костюм и ботинки. И побыстрее. Мы больше не можем ждать. А документы пусть останутся в пиджаке, - заметил

Ермилов как бы между прочим, увидев, что Гертруда достала портмоне барона и пытается спрятать его под матрац.

Беглецы прошли анфиладу комнат (их расположение благодаря Куркову Берестов знал, как свои пять пальцев), спустились по чугунной винтовой лестнице, и через пять минут Берестов впервые переступил порог паноптикума, где совсем недавно реставрировал барабаны Курков. Предположение разведчика о том, что Папаша Грубер намеренно закрыл паноптикум во время бомбейки, было похоже на правду.

Где он? Что с ним? - вот что волновало Берестова, и он окинул взглядом помещение, словно надеялся увидеть Папашу. Но в зале было пусто, и только со стен наочных присяжных смотрели портреты фашистских кумиров.

- Вот теперь потрудитесь привести супруга в чувство, - сказал Ермилов Гертруде, - если вы не хотите, чтобы мы занялись этим сами.

Баронесса склонилась над своим мужем, полулежавшим в кресле. Лицо ее без грима с темными кругами под глазами напоминало печеное яблоко и не вызывало никаких чувств, кроме неприязни.

Мне невольно представилось, как недавние узники, а в те моменты уже хозяева положения, вводят туда директора завода и его жену. Нет, ни Гансу фон Баузру, ни Гертруде тогда не могли помочь все эти "вершители судеб человеческих", чьи портреты висели под сводами подвала. Воображение нарисовало облик страшных призраков прошлого. "Железный канцлер". Могучий торс Отто фон Бисмарка закован в кирасы, на ногах огромные сапоги с голенищами выше колен. Он как бы хотел сказать своими кирасирскими сапогами, что только они и могут идти по правильному пути (*). Под портретом приведена выдержка в металлическом стиле: "Не речами, не постановлениями решаются великие вопросы времени, а железом и кровью".

(*) Перефразировка слов Гитлера: "... Массе нужен человек с кирасирскими сапогами, который говорит: этот путь правлен".

И тут же рядом с елейной улыбкой на лице, обрамленном окладистой бородой, божьей милостью король прусский Фридрих-Вильгельм I, прозванный в народе "картечным принцем", реакционер и милитарист.

Рядом портрет Гитлера в военном френче с Железным крестом первого класса на груди. Галстук заколот булавкой с нацистской эмблемой, на рукаве - красная повязка с белой свастикой. Сильно вытянутое землистое и вместе с тем какое-то одутловатое лицо этого мальтизианца и полубога, вампира и вегетарианца надменно вскинуто кверху, а косая и черная, как воронье крыло, челка (совсем неарийская) прикрыла узкий невыразительный лоб, из-под которого глядели, словно из амбразуры, тусклые серые злые глаза. Взгляд нацелен куда-то в пространство, точно там, в неоглядной дали, он видел свою вотчину, свое "безграничное будущее", которое рисовалось ему в бредовых мечтаниях. Мне приходят на память слова фюрера из его "Майн кампф", которые могли бы послужить комментариями к "изображению" художника:

"Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешней политикой Германии дооценного времени. Мы начинаем там, где Германия кончила 600 лет назад. Мы кладем конец вечному движению германцев на юг и на запад Европы и обращаем свой взгляд к землям на востоке... Мы переходим к политике будущего - к политике территориального завоевания. Нам нужна Европа и ее колонии. Но если мы говорим сегодня о новых землях, то мы можем в первую очередь думать о России и подвластных ей окраинных государствах". Эти слова были записаны в тюрьме под диктовку Рудольфом Гессом еще в 1925 году. Своеобразное разъяснение к ним старый барон дал под портретом щедшего, похожего на злую и коварную птицу, Иозефа Геббельса: " В конце концов, мы хотим однажды оказаться у обильной мировой корзушки. До сих пор мы боролись за смутные идеалы. На этот раз речь идет о вещах поважнее: об угле, железе, нефти и, прежде всего, о пшенице".

И мне представляется на миг, как этот стервятник распустил крылья и черная тень упала от них на тучные нивы, на стада, на фабрики и заводы нашего Отечества. Острые, глухие

боко посаженные глазки пигмей нацелены на сердце советского государства - Москву.

От Берестова не укрылась плохо заделанная брешь в полотне, на котором был нарисован министр пропаганды. Похоже, что в портрет однажды запустили чем-то тяжелым и поврвали его. Возможно, это сделал в припадке ярости сам Манфред фон Бауэр после заявления Гебельса о том, что "враг разгромлен и никогда больше не поднимется".

Когда Берестов перевел взгляд на длинные закругленные с боков щиты с крестами немецких псов-рыцарей и иронически усмехнулся, Гертруда злобно сверкнула своими рысыми глазами. Думала ли она, что ей придется быть в этом обиталище в незавидной роли ответчицы.

Не забыл барон повесить и портрет итальянского дуче Бенито Муссолини. Упервшись руками в бока, этот ницшеанец, мясник с маленькими глазками и выдвинутой вперед нижней челюстью, был изображен стоя и являл собою олицетворение хамского самодовольства и отвратительного вызова всему миру. А что стоит его речение: "Диктатор может быть любимым, если масса в то же самое время боится его".

- Мне вспоминаются слова Маяковского:
... У Муссолини вид ахов: -

Голые конечности,
черная рубаха
На руках и на ногах
кустов шерстищи.
Руки до пяток, метут низы.

В общем у Муссолини

вид шимпанзы.

...Жиреет,

блестит

от жирного глянца

А почему он

не в зверинце,

не за решеткой,

не в клетке?

Это

частное дело

итальянцев.

Может, тогда, в 1923 году, когда писал Маяковский об итальянском премье и фашисте номер один, о его сподручных, это и было частным делом итальянцев. Только чем это кончилось для народов мира?

Даже "великому корсиканцу", низкорослому и страдающему манией властолюбия Наполеону Бонапарту с его кредо: "Правда и вполовину не столь важна, чем то, что люди считают правдой", нашлось место в этом паноптикуме.

Я словно наяву слышу нетерпеливый голос Ермилова в ответ на сетование Гертруды, что ее мужу дурно, что его нельзя беспокоить:

- Это дело поправимое, сейчас приведем его в чувство.

Он подошел к директору завода и несколько раз хлопнул его ладонью по щеке.

Ганс фон Бауэр открыл глаза. В них стоял животный страх. Берестову показалось, что директор давно уже пришел в себя, просто притворялся, что находился без сознания.

- У вас есть вопросы к этому господину? - спросил Берестова Ермилов.

Еще бы! Прежде всего Берестову хотелось узнать где Папаша Грубер, но начать с этого, значит выдать связь узников с ним, что может вызвать осложнения при допросе барона. Директор не должен был знать заранее, что беглецам могло быть известно о Бауэрах.

- Куда отправился ваш сын Курт? - спросил Берестов.

- Его вызвал Геринг. В Берлин.
- Где находится филиал, которым поручено руководить Курту Бауэру?

Глаза Ганса расширились. Он посмотрел на Гертруду.

- Ты сказала?
- А разве мне это известно? - усмехнулась она.
- Я тоже не знаю, - директор пожал плечами. - Объект находится в ведении Шпеера. У него и нужно спрашивать.
- Ну, до главы военной индустрии мы пока еще не добрались. Но можем вам напомнить об охотничьих угодьях королей и реках, изобилующих форелью, - сказал Берестов.

Ганс снова посмотрел на Гертруду. Казалось, глаза его сейчас выскочат из орбит.

Она отрицательно покачала головой.

- Нет, я ничего не знаю, - сказал он.
- Ну что же, тем хуже для вас, Ганс фон Бауэр, - сказал Ермилов. - И для вас тоже, фрау. Мы, как вы, видимо, догадываетесь, не располагаем сейчас достаточным временем, и разговор придется продолжить в другом месте. А пока потрудитесь открыть сейф.

- Мой сейф находится на заводе, а этот - отца.
- По известным причинам мы вынуждены просить об этом не его, а вас.

- У меня нет ключа.

- Тогда мы сами откроем его.

Ганс опять пожал плечами:

- Если вам это удастся.
- Нам удастся не только это, в чем скоро убедитесь сами.
- Не понимаю, - барон зябко поежился.

Ермилов сверкнул белками глаз сказав по-немецки Зигелю:

- Принеси-ка взрывчатку.
- Макс направился к двери, хотя и знал, что у беглецов не было взрывчатки, а Ермилов продолжал с завидным хладнокровием, обращаясь к барону:
- Только имейте в виду, если будете так же молчаливы, как этот стальной шкаф, мы взорвем вас вместе с ним.
- Подождите, - простонал директор. - Может быть, ключ лежит за портретом фюрера.

Ключ был там. Зигель воткнул его в скважину повернул три раза. Толстая стальная дверь бесшумно открылась.

- Очистите его побыстрее, - сказал Ермилов. - Так лучше будет видно, что взять с собой. А вы, фрау, помогите пока одеться барону. Мы не хотим, чтобы он простудился в дороге.

На пол упали несколько папок с золотым тиснением, две шкатулки. В одной были ордена, а в другой - драгоценности, несколько пачек банкнот, акции каких-то компаний. На дне сейфа лежала толстая пачка с грамзаписями, выполненными на пластинках из тонкой прозрачной пленки, и огромная книга в бархатном переплете, а на ней новенький парабеллум и патроны к нему.

Оружие Ермилов тотчас же передал Берестову, и тот положил его в карман мундира. В папках оказались документы с грифом "секретно" о финансировании эсэсовцев бароном Бауэром, о депортации и принудительном труде на его заводе, переписка с влиятельными особами об усилении террора, о преследовании и истреблении евреев, об экспериментах на живых людях.

Толстая книга в бархатном переплете была дневником клана Бауэров. Судя по первым календарным датам на листах, записи в нее начал заносить еще дед Манфреда фон Бауэра. Даже для беглого просмотра всей этой "литературы" потребовалась бы целая ночь. А в распоряжении беглецов были считанные часы.

- Все это придется взять с собой, - сказал Ермилов.
- Украшения, - сказала Гертруда, - фамильные. И вы не имеете права их трогать.
- Не будем говорить о правах, - перебил баронессу Ермилов. - Это нас слишком бы далеко завело. На ваших украшениях видны пот и кровь заключенных. Пройдемте в кабинет.
- Зачем? - спросил директор, бледнея.
- Нужно вызвать из лагеря машину, на которой нас привезли сюда. Кроме вас сделать это некому.
- Но что я скажу начальнику гаража?
- Предлогов можно придумать сколько угодно. Один из них могу вам подсказать. Сообщите, что неожиданно умер один из заключенных. Нет, умерли двое или трое. Вам тоже нездо-

ровится. Какая-то непонятная болезнь. Видимо, очень заразная. Трупы и больных нужно срочно отправить в лагерь, изолировать, сжечь, как вы обычно делаете, если человек становится нетрудоспособным. Вам понятно? Так все и скажите.

- Это какое-то безумство, - проговорил Ганс фон Бауэр. - Я не привык лгать. Да и телефон не работает.

- Уже починили. А что касается лжи, у нас еще будет время немного проветрить вам мозги, и тогда вы кое-что вспомните, - усмехнулся Ермилов, поднимая директора с кресла. - А сейчас вам надо торопиться.

Беглецы и фон Бауэр с супругой проследовали в кабинет барона, на окнах здесь были светомаскировочные шторы. Зажгли свет, и Берестов увидел знакомое ему по рассказам Куркова кресло Гогенцоллернов с непомерно высокой спинкой. Оно было похоже на старинный трон, какие теперь можно увидеть только в музее. Еще совсем недавно в этом кабинете сиживали Манфред фон Бауэр, его сын Ганс, генералы Клопс и Рейнхольд, прокурор Гельмут. И вели приватные разговоры о ракетном бизнесе и завоевании мира с помощью сверхсекретного оружия.

- Звоните, - сказал Ермилов, кивая на телефон. - Думаю, всякие предупреждения с моей стороны излишни, - и он внимательно посмотрел на пистолет, который держал в руках.

Барон уже несколько оправился от волнения. Он снял трубку и, стараясь избегать взглядов Гертруды, стал просить, чтобы его соединили с гаражом концлагеря. Несколько минут длилась томительная тишина. А потом Ганс вызвал машину за "трупами" и "больными" заключенными.

Берестов и его товарищи знали, что пройдет не меньше часа, прежде чем лагерная "душегубка" дотащится до имения Бауэров.

- Нил, Вам никогда не приходилось бывать в старинных замках? - спросил с неподдельной улыбкой Ермилов.

- Не приходилось.

- Мне тоже. Наверно, не очень-то уютно жить в таких чердаках. Я бы лично не смог. А посмотреть со стороны любо-

пытно. Может, воспользуемся свободным временем и сделаем маленькую экскурсию.

- Почему бы и нет, - сказал Берестов. - Если не возражаете, то я хотел бы получше осмотреть сначала убранство этого кабинета.

- Пожалуйста, пока я займусь содержимым стола барона. Все-таки небезынтересно, чем набит этот фрегат с бронзовыми накладками.

Берестов начал внимательно осматривать резные панели из мореного дуба, которыми были обшиты стены кабинета. Добрался до книжного шкафа и стал ощупывать руками деревянный карниз возле него, потянул его на себя. Под ним, как и рассказывал Папаша Грубер, оказалась кнопка. Сердце разведчика глухо заколотилось, он даже не ожидал, что это так взволнует его. И вот уже палец нажимает на кнопку. И тотчас же тяжелая панель отошла в сторону. Перед Берестовым открылся узкий темный проход.

Ганс и Гертруда вскочили со своих мест, переглянулись. Кажется, для них это было неожиданностью. Может, они действительно не знали о существовании потайного хода из кабинета в рыцарское зало.

- Спокойно, - сказал Ермилов хозяевам замка и вопросительно посмотрел на Берестова.

Разведчик попросил Макса посветить. Тот поднял фонарь, и беглецы увидели стоявшую на стабилизаторе бомбу. Винченный в ее головку взрыватель был сплюснут, а рядом лежала на боку железная наковальня. Грубер сделал все так, как было нужно, и не по его вине бомба оказалась невзорванной. Тотчас же снова вспомнился разговор с дядей Васей. Его опасения подтвердились. И если бы он не пожертвовал собой, беглецы бы сидели сейчас запертыми в подвале этого замка. Берестов взял у Макса фонарь и предложил Ермилову спуститься вниз.

Переход до паноптикума занял не больше трех минут. Очутившись вдвоем уже в знакомом им подземном зале, Берестов и Ермилов вдруг посмотрели друг на друга.

- Значит, уходя, нужно гасить костер? - спросил Берестов.

- Конечно, если он даже просто чадит, это может навести на след, - ответил Ермилов и улыбнулся. - Так нас учил Парамонов.

Они по-мужски, скромно обнялись.

- Спасибо за помощь, - сказал Ермилов. - Без вас нам пришлось бы туда.

Берестов очень коротко, буквально за минуту сказал ему о том, что произошло в замке, о бане, о бомбе, которую они хотели взорвать, о дяде Васе, о том, как во время бомбежки выбрались из подвала и спрятались под землей.

- Действительно ли разгромлена наша группа? - спросил Берестов с тревогой.

- Далеко не все погибли. Орлов тоже выжил, отделавшись воспалением легких после ледяной купели. Но уже снова в строю. И группа действует.

У Берестова отлегло от сердца. Он готов был броситься на шею Ермилову.

- Мне дано то же задание, что и тебе. Теперь будем работать сообща. Надеюсь, из твоих ребят никто не знает, как и зачем ты попал в лагерь.

- Разумеется. Но на них можно положиться.

- А среди наших есть подозрительные личности. Но подозрение не доказательство. А доказательств у меня пока нет. Так, наитие, интуиция, может, беспочвенные. Однако нужно быть начеку.

- Какие у вас планы? - спросил Ермилов.

- Убежать. Ведь обратная дорога для нас только в газовую камеру. У меня есть адрес механика испытательной станции завода Бауэр Феликса Шпеллера. Он живет на окраине города, в отдельном домике и, наверно, спрятал бы нас на некоторое время. С его помощью мы надеялись связаться с немецкими патриотами и организовать новую разведгруппу, достать радиопередатчик. Жорж Руа и Макс Зигель были бы достойными ее членами. Ну, а твое сообщение придаст нам силы. Вольнемся в группу Орлова.

- Убежать намеревались через подземный туннель?

- Он выходит к ущелью. Недалеко шоссейная дорога. Мы надеялись смешаться с беженцами и добраться до города.

- Это почти невозможно, - сказал Ермилов. - Территория нафарширована эсэсовцами. Возле населенных пунктов патрули, проверка документов.

- У нас не было другого пути, по крайней мере мы так думали. А теперь вижу, что дали бы маxу.

- Но ведь вы не знали о наличии людей в замке, какова охрана. Кстати сказать, только отсутствие бензина заставило заночевать здесь директора. Мы слышали, как баронесса разносила шоfera за халатность. Утром бензин сюда будет доставлен.

- А как вы себе мыслите выбраться отсюда? - спросил Берестов. - С помощью барона?

- А почему бы и нет? Или он может выдать нас, не посчитавшись со своей жизнью, умереть за Фатерлянд?

- Не думаю. Его отец смог бы. Но если представится возможность...

- Мы не дадим ему такой возможности. - У Ермилова заходили на скулах желваки. - И он будет это чувствовать каждую секунду.

- А шоfer?

- С ним пришлось рас прощаться. Стоял на часах возле баронской спальни, вернее, дремал на стуле, привалившись к двери. Если бы он не забыл снять с предохранителя автомат, кое-кому из нас пришлось бы поплатиться жизнью.

- Кто еще есть в замке? - Берестов не переставал думать о Папаше Грубере.

- Прислуга. Три пожилых женщины. На всякий случай мы закрыли их в комнате возле холла. Только вряд ли они вздумают строить козни. Перепуганы до смерти.

- А мужчин нет.

- Не обнаружилось.

- С женщинами нужно повидаться. Одна из них, такая высокая, похожая на монахиню, нам приносila еду, судя по косвенным данным - хороший человек. Может, что-нибудь знает о Папаше Грубере.

- Очень просто. Жорж вытер руки и заполз в огонь бомбу. Пока ее прогреет, мы будем далеко. Помнишь,

Берестов и Ермилов стали подниматься наверх.

- Как поступим, когда придет "душегубка"? - спросил Берестов по дороге к холлу.

- Что задержало в замке директора и его жену, мы не знаем, но нам это на руку. Воспользуемся лимузином барона и на двух машинах подальше отсюда, пока темно. Наша разведгруппа разместилась на гиблом торфяном болоте. Место надежное. Трясина на трясине. Туда немцы не изъявляют желания сорваться, но противопехоток вокруг понатыкали. Однако у нас каждая мина на учете. Да и своих мы наставили, чтобы избежать преследования.

Женщины сидели в углу комнаты, молча ждали своей участки. Беглецы вызвали в холл ту, что приносila обед, и Берестов без обиняков спросил ее, где Папаша Грубер.

Она ответила не сразу, заплакала вдруг, и у разведчика защемило сердце.

- Началась бомбежка, и как сквозь землю провалился, - сказала она, вытирая слезы. - Сначала я думала, что он закрылся изнутри в рыцарском зале, чтобы туда не могли попасть во время воздушного налета хозяева и гости. Даже шахта с винтовой лестницей и лифтом оказалась запертой. Когда уже на другой день сломали все запоры и жалюзи, то там Грубера тоже не оказалось. Да и то сказать: таких "шуток" здесь никто никогда себе не позволял. Но лучше бы это, чем то, что случилось с Грубером.

Теперь Берестов уже точно знал, почему вся эта нацистская свора вынуждена была драпать из замка во время бомбежки, а старому барону ничего не оставалось, как взяться за автомат. Возможно, он надеялся выстрелами отогнать летчика и тем самым спасти свой родовой замок.

- Куда же он мог исчезнуть? - говорила старая женщина. - Может, разнесло на кусочки. Но и кусочка нигде не нашла, хоть бы что-нибудь осталось. Скажите, бывает так, чтобы никакого следа? Ведь даже когда в печь человека суют, оттуда выгребают золу. Неужели Господь к себе взял? Если так, то я не против, только жалко.

- Хороший был человек? - спросил Ермилов.

- Вот пусть ваш комрад скажет. А перенес сколько. За его страдания быть ему в раю. Только вряд ли нам – немцам – туда открыта дорога. Нет, нас туда не пустят. И детей наших, и внуков, и правнуоков.

- Немцы тоже бывают разные, - сказал Берестов, отводя женщину на место.

Надо было что-то делать с баронессой. Убивать эту жирную мокрицу не поднималась рука. Хоть и тварь из тварей, а женщина. Решили запереть ее в подвале, где недавно содержали узников.

Часы в холле пробили четыре раза. Их удары гулко раздавались в пустом сумрачном помещении.

- Однако пора позаботиться и о харчишках. Ведь теперь в нашем полку прибыло, - сказал Ермилов.

- Харчей здесь предостаточно. В подвале, под кухней.

- Тогда забирай Зигеля и моих ребят из кабинета да и приступай к делу. А я закончу осмотр кабинета старого барона, побеседую с хозяевами дома о правилах хорошего поведения в дороге, - губы Ермилова искривились в сардонической улыбке.

- Нужно бы предупредить Жоржа Руа. Он, наверно, сгорает от нетерпения узнать, что мы замышляем, - сказал Берестов.

- Давай. И ребятам в колодце тоже нужно сказать, что уедем на машине. Пусть не паникуют. Однако выпускать из-под земли их не стоит пока. Если среди них есть подсадные утки, они попытаются вставить нам палки в колеса. Тогда все осложнится. Часть охраны разбежалась и появляется на земле небезопасно. Ложь, так сказать, во спасение...

Когда Берестов рассказал Жоржу о том, что произошло в его отсутствие в замке, француз даже подпрыгнул от радости.

- О-ля-ля! - Значит, бомба цела. Ее надо подорвать, - шептал он разведчику.

- Как подорвать?

- Очень просто, - Жорж вытер рукавом мокрое от дождя лицо. - Затопим камин в паноптикуме, а при отъезде положим в огонь бомбу. Пока ее прогреет, мы будем далеко. Помнишь,

как сказал Папаша Грубер: "Да, тут будет всем баням баня". Надо, чтобы эти слова сбылись. Пусть разнесет ко всем чертям это гнусное осиное гнездо. А библиотека барона из фашистских книг станет хорошей растопкой для очистительного костра.

Идея Жоржа всем понравилась.

Берестов тут же вспомнил, как в бытность летчиком ему удалось подорвать патрульное судно фашистов. Это произошло, когда машину пилота подбили фашисты, а его бросили в трюм корабля. Тогда он воспользовался оказавшимся там карбидом.

Если все произойдет, как замыслено, подумал он, то результат от взрыва будет намного сильнее.

И вот уже запыпал огонь в камине, похожем на портал входа в преисподнюю. Отблески пламени играли на широком лезвии меча с гравировкой "кровь и честь", который был укреплен над мраморной полкой; на лицах "великих людей" германского рейха, изображенных на портретах, которые были развезшаны по стенам подземелья, на тисненных золотом корешках книг, воспевающих монархию, милитаризм, фашизм и прочие мерзости.

Жаркие отсветы заплясали на жирной напыщенной физиономии Германа Геринга, которого узникам так и не удалось увидеть в имении Бауэров.

Он был изображен вполоборота и походил на колоссальных размеров глыбу в тужурке лягушачьего цвета, из которой можно было бы выкроить мундиры для всех офицеров Люфтваффе. И тут же приводились слова "его превосходительства": "Надо спасти Германию. Не моя задача устанавливать справедливость. Моя задача - истреблять и уничтожать! Если полицейский при исполнении служебных обязанностей употребит огнестрельное оружие, он будет взят под мою защиту независимо от последствий применения оружия. Но если кто-либо из них по ошибке не использует оружия, то будет наказан". Это было сказано после поджога нацистами рейхстага и явилось призывом к физической расправе со всеми инакомыслящими в Германии.

Рядом с грузным плотоядным Герингом находился аскетичный и даже на портрете кажущийся тихим и незаметным Генрих Гиммлер. На бесцветном невыразительном тонкогубом лице была видна печать тупой отрешенности и покоя. Глава "черного ордена" словно погрузился в нирвану. Но это лицо с круглыми стекляшками пенсне было маской иезуита, о чем красноречиво говорили и слова под портретом: "Евреи являются извечными врагами немецкого народа и должны быть уничтожены. Всех без исключения евреев, находящихся в пределах нашей досягаемости, надо уничтожить сейчас, во время войны. Если нам теперь не удастся разрушить биологические основы еврейства, то когда-нибудь евреи уничтожат германский народ".

Еще совсем недавно это огромное каменное сооружение согревало стынущую кровь старого барона, мечтавшего о покорении мира, а теперь оно должно было раскалить бомбу, которая стояла рядом, поблескивая круглыми боками.

Руа не жалел дров и все подкидывал и подкидывал в огонь сухие дубовые поленья, принесенные из подвала, где беглецам пришлось некоторое время жить.

"Душегубка" подкатила к воротам имения в пять утра. К этому времени у беглецов уже все было готово к отъезду. Ящики с продуктами стояли за домом, барон собран в дорогу.

Переодетый в эсэсовскую форму Ермилов вскочил на подножку и закричал на шоfera:

- Сколько можно ждать! Господин директор уже дважды звонил начальнику гаража. Вам придется ответить по всей строгости закона.

- А вы не особенно кричите, не узнав причин нашей задержки, - сказал сидевший рядом с шофером эсэсовец в очках. Его голос Берестову показался знакомым.

- А в чем дело? - спросил Ермилов.

- Набросали по шоссе стальных ежей - мелкая диверсия. Пришлось менять колеса.

И тут разведчик узнал в говорившем Парабеллума. Несомненно, это был он. Поджарый, белобрысый, очкастый. И говорил каким-то сорванным шипящим голосом.

- Не мешайте, Бламбер, - крикнул Берестову Ермилов.

Берестов тоже должен был встать на подножку, с другой стороны (об этом беглецы условились заранее), и таким образом сопровождать машину до замка. "Если он узнает, все значительно осложнится", - мелькнуло в голове Берестова. Он уважительно подошел к машине (пришлось изменить походку) и не спеша встал на подножку спиной к Парабеллуму. Машина тронулась. Макс вышел из-за укрытия и запер ворота.

- Ну что тут у вас стряслось? - спросил Парабеллум, лениво толкнув Берестова в спину своим стеком. - Выбрали же погодку для смерти. Надо быть подальше от них, а то еще подцепишь заразу. Брезент у вас найдется?

Берестов притворился, что не слышит. Парабеллум громче повторил вопрос и снова ткнул Берестова. А тот ничего не мог сказать эсэсовцу, потому что эсэсовец сразу бы понял, какой Берестов липовый немец Бламбер, а может, и узнал бы его.

- У тебя что, отсох язык, - почти крикнул Парабеллум. В его голосе Берестов уловил знакомые нетерпеливые нотки.

- У него болят уши, - сказал Ермилов, услышав Парабеллума. - Что вас интересует?

- Ладно, потом, - буркнул эсэсман.

Мокрые ветки деревьев стегали по бокам машины, пару раз сильно шаркнули по лицу Берестова, но он все-таки не стал поворачиваться к кабине передом, просто нагнул голову и краем глаза следил за Парабеллумом. Руки эсэсовца лежали на коленях, а тонкие нервные пальцы все перебирали стержень стека. Берестову показалось, что Парабеллум встревожен. Может, эсэсовец все еще переживал вынужденную остановку в пути, которая могла окончиться для него плохо, а может, боялся заразы. Этот путь от ворот парка до замка Берестову показался невероятно длинным, и он думал, что машина никогда не доедет до места, где их ждали товарищи. Его слух уловил какие-то звуки, раздававшиеся внутри фургона. Не то кто-то что-то сказал, не то кашлянул.

"Если там тоже эсэсовцы и фургон не закрыт снаружи, то это еще больше все осложнит", - думал он.

Наконец машина остановилась. Берестов так же не спеша сошел с подножки и стал ждать, когда выберется из кабину

Парабеллум. По другую сторону машины встал Ермилов. Из кустов вышли еще несколько заключенных, переодетых в эсэсовскую форму.

- Поторапливайтесь, - сказал Ермилов.

Парабеллум тяжко, с каким-то внутренним стоном вздохнул и, вылезая из кабины, неожиданно для всех поднял руки вверху. Берестов даже растерялся на мгновенье, увидев это, готовился оглушить его сзади прикладом автомата, а вышло все иначе.

- Не трогайте меня, - сказал эсэсовец просительно, когда к нему подошел сзади один из заключенных и вынул из его кобуры парабеллум. Каким образом этот фашист узнал, что ожидает его, одному богу известно.

Берестов побежал к фургону и посмотрел, закрыта ли на задвижку дверь. Дверь была закрыта на замок.

Шофер не в пример обершарфюреру попытался оказать сопротивление. Ермилов ударил его ребром ладони по шее, где сонная артерия, и эсэсман рухнул на землю. С него тотчас же стали снимать одежду. Парабеллуму тоже велели раздеться. Сев на мокрую землю, он поспешил стаскивал с себя сапоги, мундир, брюки.

- Не трогайте меня, прошу вас, - говорил он, передавая обмундирование заключенному. - У меня больная жена и маленькие дети. Я сам очень больной человек. И делал только то, что мне приказывали.

- Очки тоже, - сказал Ермилов. И Берестов невольно поразился проницательности Василия. Отсутствие очков на новоиспеченном "обершарфюрере", который будет сопровождать "душегубку", может привлечь внимание тех, кто пропускал машину по дороге к замку.

- Простите, - сказал Парабеллум, протягивая очки с квадратными стеклышками.

В это мгновенье Берестову вспомнилось, как строителей привезли в имение Бауэров, как Парабеллум пнул своим начищенным сапогом в бок дядю Васю, когда тот, вылезая из "душегубки", подвернул ногу и ткнулся лицом в песок, как этот фельдфебель вымешал на узниках свою злобу, когда у него начинались колики в животе, и при этом всех больше доста-

валось Берестову, может, потому, что Берестов был моложе и его здоровье вызывало в Парабеллуме жгучую зависть.

В своем стремлении к власти, к личному обогащению этот эсэсовец готов был на любую подлость.

- Кто в фургоне? - спросил Берестов.

- Санитар из ревира. Тоже заключенный.

Парабеллуму приказали открыть дверь фургона.

И как только эсэсовец это сделал, Берестов ударом автомата по голове отправил его на тот свет.

- Собаке собачья смерть! - сказал он, оттаскивая Парабеллума в кусты.

- Уж не одноглазый ли в "душегубке"? - мелькнуло у Берестова в голове. И точно. Из железной коробки выбрался Шманков. Он узнал Берестова сразу, несмотря на то что на нем была форма СС.

- Вот это компот, ешь твою разъешь! - сказал Шманков растерянно и, переступив с ноги на ногу, протянул руку.

- Значит, полная переквалификация. Ну правильно. Живи, пока живется.

Шманкова оттеснили в сторону. Осмотрели фургон.

- Сначала загрузим провиант, - сказал Ермилов и велел Берестову подогнать машину к тому месту, где были сложены ящики с продуктами. Пока их складывали в фургон, беглецы взяли из "душегубки" канистру бензина для машины директора. Когда Берестов подъехал к колодцу, в котором находились заключенные, автомобиль барона был уже заправлен.

Перебраться всем в фургон было делом нескольких минут. Но тут выяснилось, что куда-то исчезли двое заключенных из числа тех, кто находился под землей.

- Может, кто-то вышел раньше? - спросил Берестов у Жоржа Руа.

- Может, только не из этой дырки.

О нехватке двух человек сказали Ермилову.

- Зигмунд и Джованни? - спросил Василий.

- Они самые, - подтвердили заключенные.

- Значит, меня не подвело шестое чувство. Ладно, пусть остаются. Положите на люк что-нибудь потяжелее. А нам по-

ра в путь-дорогу. Прислугу на всякий случай перевести во флигель и закрыть, - он действовал смело, умно, расчетливо.

Через несколько минут роскошная легковая машина, а за ней старенькая "душегубка" выехали из ворот замка.

Легковую машину вел Руа. Рядом с ним находился директор. А на заднем сиденье - Ермилов и еще двое беглецов. Все заключенные были в эсэсовских формах.

Берестов занял место водителя в "душегубке". В кабине с ним в качестве сопровождающего ехал Зигель. По комплекции он был больше других похож на Парабеллума. И, конечно же, лучше кого-либо из беглецов знал немецкий язык. Ему пришлось облачиться в мундир обершарфюрера и надеть на нос его очки.

Дождь усилился. Метавшиеся по стеклу "дворники" не успевали разгонять в стороны обрушивавшиеся сверху потоки воды. Берестов смотрел на бегущую под колесами дорогу с пляшущими на ней пузырями и думал о том, что пузыри во время дождя - признак того, что дождь будет продолжаться долго.

До наступления рассвета беглецы надеялись добраться до города, где находился авиационный завод, а потом свернуть в сторону торфяных болот, где был разбит лагерь партизанского отряда. Обе машины решили загнать в трясину, а самим по знакомым тропам добраться до своего пристанища. С Гансом фон Бауэром предстоял еще долгий разговор о выпуске секретной военной продукции на его предприятии, о местонахождении новых филиалов завода, где разворачивалось производство новых видов вооружения, и беглецы надеялись допросить его уже по прибытии в лагерь.

Первый пост, оборудованный на границе фешенебельного района, проехали благополучно. Укрывшимся под навесом от дождя эсэсовцам было уже известно об эпидемии в имении Бауэров, директора они знали в лицо и пропустили обе машины без промедления, опасались заразы.

- Ну вот, теперь до самого города не будет постов, - сказал Зигель, снимая очки. Он в них почти ничего не видел. - Теперь можно немного и помечтать. Знаешь, как только кончится

война, - но он не договорил. Позади беглецов раздался взрыв. Энергия, сконцентрированная в бомбе, наконец нашла выход. Беглецы увидели за горизонтом красное зарево.

- Слава богу, наш труд не пропал даром, - сказал Зигель.

Зарево не погасло, а стало разрастаться и скоро охватило значительную часть неба. Взрыв, как видно, вызвал пожар в замке.

В зеркале заднего вида появились пронзительно-яркие отсветы от фар мчавшегося за машинами мотоцикла. Скорее всего это были эсэсовцы, мимо которых беглецы недавно проезжали. Как видно, они хотели сообщить барону о пожаре в его замке, а может, что-то заподозрили.

Берестов нажал на акселератор, чтобы догнать легковушку барона и предупредить Ермилова, но Руа уже сам увидел мотоциклиста, резко увеличил скорость.

Некоторое время машины ехали на одном удалении от мотоцикла, а потом дорога пошла на подъем он стал отставать.

В зеркале метнулись вспышки выстрелов - это сидевший в коляске эсэсовец дал длинную очередь из пулемета, чтобы привлечь внимание беглецов. Трассирующие пули длинной строчкой прошли ночное небо поверх кабин машин.

Вскоре дорога сделала поворот, потом другой, стала спускаться в низину, на какое-то время беглецы потеряли мотоциклиста из виду, наверное, он тоже их потерял. Натренированная память Берестова подсказывала ему, что не доехая близлежащего поселка, шоссееку должна пересекать грейдерная дорога. "Хорошо бы перескочить на нее и тем самым сбить с толку эсэсовцев". Едва эта мысль мелькнула в голове Берестова, как ехавший впереди Руа круто развернул машину и понесся по грейдеру, а потом съехал и с него. Берестов выполнял те же самые маневры. Они остановились у стены полуразрушенного дома, зиявшего пустыми глазницами окон, заглушили моторы, вышли посовещаться. Неужели пойдет все прахом?

- Ехать этой дорогой дальше опасно, - сказал Ермилов. - О пожаре, наверное, уже известно и в городе, и на заводе. Добираться до болота другим путем - не менее рискованно. К

тому же он намного длиннее. А по просеку шибко не разгонишься при такой погоде.

Стали решать, как быть? Расставаться с машинами не хотелось (они позволяли двигаться с большой скоростью), с провиантом тоже. Да и нельзя было медлить. Как только станет известно о побеге заключенных из замка, об исчезновении барона, на ноги будут подняты все эсэсовские части.

Между тем мотоциклетного стрекота на шоссееке не было слышно. Наверное, эсэсовцы повернули назад, к посту.

- А может, все-таки продолжим путь, - сказал Руа. - Ведь они прекратили погоню, значит, мы пока вне подозрений. Очередной контрольный пост можем проскочить без остановки. Конечно, они начнут стрелять, но и мы ведь не без оружия. И нас к тому же много. Приблизимся вплотную и ударим изо всех стволов.

На том и порешили.

Осторожно, не зажигая фар, снова выехали на шоссееку и помчались дальше.

Возле дамбы у реки, разрывая фарами темноту, навстречу беглецам неслась легковая машина из завоудования. Увидев роскошный "вандерер" барона, шофер резко затормозил и, не выключая огней, выскочил из кабины. Руа тоже остановился.

- Приказано доставить вам бензин, - правая рука водителя лихо взлетела на уровень лба, по военному щелкнули каблуки.

Беглецов это насторожило. В телефонном разговоре директора с начальником гаража о бензине речи не было.

- Давайте, - сказал, выходя навстречу, Ермилов.

Водитель стал открывать багажник, потом вдруг метнулся к кабине, но Ермилов преградил ему дорогу.

- Скорее, - приказал он. - Мы и так опаздываем.

Безукоризненная немецкая речь, видимо, немного успокоила шофера. Он все же не без опаски нагнулся за канистрой, и в это время Ермилов огrel его рукойткой пистолета по голове.

- Быстро всем из "душегубки" на легковые машины, - сказал он, когда Берестов подъехал вплотную. "Душегубку" оста-

вим на дороге - слишком медленно тащится. Только разверни ее на сто восемьдесят.

- Может, поджечь? - сказал Руа. - Чтобы отвлечь внимание от нас.

- Давай.

Зигель плеснул из канистры бензин в кабину "душегубки", бросил зажженную спичку.

Теперь беглецы ехали на двух легковых машинах. Черные мундиры с молниями в петлицах, автоматы в руках позволяли им чувствовать себя увереннее.

Барона тоже в срочном порядке замаскировали под эсэсовца. Напялили на него мундир и срезали усы. Он сидел на заднем сиденье с завязанными глазами.

По сравнению с "душегубкой" машина, которую Берестов сейчас вел, казалась ему летящим снарядом. И маневренность ее была тоже отменной. Несмотря на дождь, пришлось опустить боковые стекла - для лучшего обзора вокруг. И беглецы теперь изображали из себя подгулявшую компанию, возвращавшуюся со дня рождения своего начальника генерала Клопса, который, как всем было известно, имел виллу недалеку от замка Бауэр.

Беглецы сами заблаговременно сбавили скорость, увидев направленные на них лучи карманных фонариков возле контрольного пункта, приказали директору ткнуться головой в сиденье, что должно говорить, будто он хлебнул лишнее. Стали угождать эсэсовцев шнапсом.

- Господа, вы, наверно, промокли до нитки, а мы сегодня в разгуле. До самого вечера. Вы непременно должны выпить за здоровье нашего бригадефюрера, - горланил, размахивая бутылкой, Ермилов. - Господа, я сейчас расскажу вам чудесный анекдот про Муссолини, - он захочотал, валясь в коляске БМВ, где лежали на сиденье лимонки. - Нет, подохнуть можно от смеха... - и вдруг снова поднялся, округлив глаза, - и подорваться тоже, черт бы их побрал, - в руках у него была граната. - Господа, предлагаю взамен вот это, - он протянул бутылку со шнапсом, взятую из кладовой замка Бауэра. - Мы едем на озеро. Там прекрасный охотничий домик. И было бы

недурно поглушить рыбы. А может, и вы с нами. Будут классные девочки...

Один из эсэсовцев перебил Ермилова, спросив, не видел ли кто из них по дороге крытую машину.

- Конечно, видели, - сказал Ермилов заплетающимся языком. - Она стоит на дамбе у ручья, поднятая домкратом к самому небу. Шофер меняет колесо. Мелкая диверсия: кто-то набросал на дорогу стальных ежей. Мы и его хотели угостить шнапсом, но он, наверно, уже крепко надрался где-то, потому что едва выговаривал слова. Руки дрожали, как у паралитика.

Эсэсовцы бросились к мотоциклам. А беглецы все разыгрывали из себя гуляк, у которых много свободного времени, и они рады новому обществу и очень сожалеют, что их оставляют одних.

- Подождите, еще по бокалу на дорогу, - кричал Макс Зигель. - За новую Германию!

Но эсэсовцы уже запускали моторы своих БМВ. Для беглецов это была последняя остановка. Они обехали город стороной и отправились дальше.

На перекрестке дорог, одна из которых вела в концлагерь, группа эсэсовцев пыталась остановить машины. "Номер" с веселой попойкой здесь бы не прошел: среди "ционданов" стояла огромная зеленая машина Блюма. И тут беглецам пришлось расчищать путь автоматными очередями. Ермилов бросил под колеса обмытого дождем "майбаха" лимонку, и машина осела под тяжестью своей брони. В перестрелке ранili Ермилова и Зигеля, однако раны эти не внушили особого опасения.

Погони за беглецами не было. Видимо, не оказалось желающих рисковать жизнью, но это вовсе не означало, что их оставили в покое, они это понимали, просто эсэсовцам нужны были новые силы.

Проехав еще некоторое время, беглецы свернули к поросшей кустами низинке в сторону промокшего насквозь леса, и скоро деревья скрыли их от чьих бы то ни было взоров.

Чтобы окончательно запутать следы, беглецы решили отогнать машины подальше от того места, где нужно было выходить к болоту. Они прыгали на ходу прямо в воду и шли це-

почкой, по колено увязая в торфяной хляби, нагруженные провиантом и оружием. А Берестов и Руа осторожно повели пустые машины вдоль зыбкого берега в другую сторону, ехали по заболоченной низинке, пока на "майбахе" не кончился бензин. Товарищи подзаправили его и, хорошенько разогнав, пустили с пригорка в трясину. Машина плюхнулась в липкую зловонную гущу, и ее стало медленно засасывать. Такую же операцию они проделали и с другой машиной.

- Ну вот и все, - сказал Жорж, когда бездонная торфяная жижа сомкнулась над крышами машин. - Даже не верится, что все позади.

- Все только начинается, - улыбнулся Берестов. - А пока будем пробираться к своим.

Француз посмотрел на Берестова как-то по-новому и улыбнулся своей обворожительной улыбкой:

- Мосье Савостин, я ни о чем не спрашиваю тебя, но я чувствую, что ты... - Он вдруг замолчал, а потом обнял разведчика и докончил с дрожью в голосе, - ты здесь неслучайный человек.

По-прежнему лил дождь. Когда наконец сквозь низкие свинцовые облака на землю пробился свет, беглецы были уже на знакомой тропе, среди чахлых, почти прозрачных деревьев и зыбких почек, каждая из которых могла осесть, погрузиться в затянутую трясиной пучину или взлететь в воздух под действием спрятанной в нее мины. Казалось, здесь беглецов никто не мог остановить. Но вышло иначе. Один из них запнулся за растяжку, связанную с миной, которая была подложена под сооружение из бревен, позволявшее партизанам миновать непроходимую трясину. Бревна и беглецов раскидало по болоту взрывной волной. Кого-то засосала трясина. Среди них оказался и Ганс фон Бауэр. Между тем шум от взрыва привлек внимание двух молодых гитлеровцев, которые привезли на свалку мусор. Грузовик принадлежал какому-то управлению, занимавшемуся расчисткой завалов, вызванных бомбежками с воздуха. Они свернули с дороги, чтобы выяснить обстановку.

Оставшихся в живых беглецов немцы могли бы и не заметить среди выступавших кочек, если бы один из узников не

раскашлялся в самый неподходящий момент, объясняя это потом тем, что наглотался болотной земли. Завязалась перестрелка, в результате которой фашисты были уничтожены.

Так как мост был разрушен, дальнейшее продвижение беглецов к партизанам оказалось невозможным.

Может, существовал еще какой-то путь к ним, но его мог знать только Орлов.

Реквизированный в замке провиант беглецы, как и намеревались, спрятали в лесу для узников, работавших на авиационном заводе, чтобы они могли им воспользоваться, когда их пригоняли туда на подножный корм.

Как я уже сообщал в этих записках, меня нежданно-негаданно свело с Орловым совместное пребывание в доме отдыха, где мы поправляли свое расстроенное войной здоровье. Так же неожиданно, к великому моему огорчению, наши беседы с ним навсегда прекратились по причине того, что однажды мы после разговора о прошлом, как обычно легли спать за полночь: Орлов долго не мог заснуть, жаловался на боль в сердце, глотал какие-то таблетки. На мое предложение вызвать врача наотрез отказался. Я не стал настаивать, а утром нашел его в постели бездыханным. Я не хотел верить в случившееся и все пытался как-то растормошить Орлова, надеясь привести его в чувство, делал ему искусственное дыхание - рот в рот. Но тщетно. Врач поставил диагноз: тяжелейший инфаркт. Его сердце остановилось навсегда.

Для меня это было таким потрясением, что я долго не мог прийти в себя, и единственное, на что был тогда способен - это прикладываться к бутылке с водкой.

Я не мог смириться со смертью Орлова, который стал для меня очень близким человеком, к тому же он был связующим звеном с прошлым Берестова, и вот это звено оборвалось, и что произошло дальше с моим однополчанином, для меня оставалось неясным.

Я принимал участие в похоронах Орлова и познакомился с его боевыми друзьями.

Были поминки. Как водится, товарищи Орлова говорили о том, каким он был замечательным человеком. А о его парти-

занстве во время Великой Отечественной войны им ничего не было известно. И о Берестове они тоже ничего не знали.

Между тем рассказанное Орловым не выходило из моей головы. Так хотелось узнать, что же дальше было с беглецами из замка Бауэров. Остались ли они живы? Если им удалось спастись, то как сложилась их судьба?

Быть уверенным в том, что я найду кого-то из этих людей и встречусь с кем-то, я не мог. Фашисты беспощадно расправлялись с теми, кого считали ненужными. И все-таки интуиция подсказывала мне, что я не должен, не имею права прекращать поиски.

Меня не покидала напряженность ожидания того, что все, связанное с узниками, в конце концов должно проясниться, и я получу какое-то удовлетворение. А пока этого не произошло, я продолжал действовать: поместил в нескольких газетах рассказы о подвигах этих людей и попросил читателей откликнуться и сообщить в редакцию, где были опубликованы мои материалы, или мне что-либо об этих героях. Дал номер своего домашнего телефона.

Тогда же, перебирая в памяти события, связанные меня с Берестовым, я зацепился мыслью за происшествие, случившееся в блокированном фашистами Ленинграде, когда мы с ним оказались в квартире прикованного к постели моряка Павла Демьяновича и его шестнадцатилетней дочери Алисы. В девушке была какая-то потеряность, и мы прониклись к ней сострадательным вниманием. А Берестов еще и особым чувством, которое я бы назвал влечением к этой девушке. Он принял самое близкое участие в ее судьбе и помог ей встать на ноги и поверить в свои силы. Между ними завязалась переписка, и как-то так получилось, что на ее основе возникла любовь.

И вот мне пришло в голову, что надо встретиться с Алисой. Может, она что-то знает о Берестове.

Главный редактор одобрил мое намерение и даже поспособствовал тому, чтобы меня ничего не задержало, сам связался с министерством здравоохранения. Там ему сообщили, что Алиса Павловна Макарова работает в ленинградском военном госпитале.

- Как только я прибыл туда и назвал цель приезда, начальник госпиталя начал расспрашивать меня, что мне известно о Берестове. Получалось, что он был в курсе личной жизни Алисы.

- Значит, он не вернулся? - Втайне я не терял надежды на то, что Берестов жив. Я даже надеялся с ним когда-нибудь встретиться. Я и теперь надеюсь...

- Вы представляете, это невероятно, но она его ждет.

Я в двух словах сообщил, что мне известно о Берестове, и попросил рассказать о Макаровой.

- Она у нас известнейший человек, - и начальник поднял руки ладонями вверху. - Медицинское светило.

- А точнее?

- Доктор медицинских наук. Возглавляет лабораторию по разработке биопротезов. Это направление в деятельности Алисы Павловны было напрямую связано с обезножением во время войны ее отца. Если вы намерены поговорить с ней, что называется, по душам, то лучше поезжайте к ней вечером прямо домой. Человек она одинокий.

- Сначала надо хотя бы созвониться.

Начальник снял телефонную трубку, набрал нужный номер и попросил подозвать Макарову. Мне даже не верилось, что все это происходило наяву.

- Сейчас она выступает с лекцией в медицинском институте, по своей проблеме, - сообщил он мне, прикрывая трубку рукой.

- Алиса Павловна, - вдруг закричал он. - Это полковник Сомов вас тревожит. Такое дело... - и он стал рассказывать о цели моего приезда.

- Прямо сейчас? - перебил он себя. - Конечно. Я понимаю. Договорились, - и он повесил трубку. Потом вырвал из настольного календаря листок и написал на адрес Макаровой.

- Поеzzжайте немедленно. Будет ждать дома. Садитесь на "Аннушку" и до кольца. Ей от института пять минут ходу.

- Если она живет на старой квартире, доберусь без труда.

Я поблагодарил начальника, чувствуя, как в груди поднимается страшное волнение. Нет, я не думал, что столь быстро найду человека, которого любил летчик Берестов.

Трамвай медленно тащился (так, по крайней мере, казалось мне) по улочкам, застроенным новыми домами. Я с нетерпением ждал, когда он, наконец, доберется до кольца.

На меня нахлынули воспоминания о том времени, когда я и Берестов впервые попали в осажденный Ленинград, чтобы узнать о судьбе его предков. Тягостное впечатление сложилось у нас тогда о фронтовом городе с разрушенными домами и редкими прохожими на занесенных снегом улицах.

Вспомнил худенькую рыжеволосую девушку, которую мы увидели в бомбоубежище под домом, потом помогли ей подняться по обледенелой лестнице в ее полупустую квартиру, где познакомились с отцом девушки Павлом Демьяновичем.

Теперь Питер выглядел иначе. Он стряхнул с себя бремя войны и будто заново возродился. Приятно было глядеть на блестевшие широкими окнами новостройки и на людей в красивых одеждах.

"Какой она стала теперь?" - думал я, поднимаясь по знакомой мне лестнице. Сердце готово было выскочить из груди. Я даже не предполагал, что буду так волноваться.

И вот уже нажимаю на звонок. И раз, и два, и три. За дверью ни звука. Звонок не работал. Тогда я постучал, и тотчас же послышались торопливые шаги, дверь распахнулась и передо мной предстала весьма пожилая и довольно полная женщина.

На мгновение мне показалось, что я перепутал номер квартиры. Так не вязался представленный мной образ с тем, что я увидел. Но нет, номер на дверях квартиры совпадал с тем, что был записан на календарном листке.

Она невысокого роста. Пухлое лицо с двойным подбородком испещрено сетью мелких, чуть заметных морщинок. Седые с жинкой волосы острижены не по летам коротко, зачесаны за уши и пришпилены. Их уже не так много, как было раньше. Она смотрела на меня сквозь старомодные очки с узкими стеклышками без оправы с каким-то детским изумлением, прижав руки к груди.

- Мне Алису Павловну.

- Проходите, проходите, - перебила меня хозяйка квартиры. - Это я и есть. - У нее был низкий грубый голос. Так часто говорят пожилые курящие женщины.

Я проследовал за Макаровой в прихожую, снял фуражку. Она взяла ее у меня из рук, положила на кованый железом сундук, стоящий в углу, провела в комнату, заставленную неуклюжими давно вышедшими из моды стеллажами с книгами.

- Вот сюда садитесь, - указала на круглый венский стул с гнутой спинкой, приставленный к большому квадратному столу, наполовину застланному простенькой домотканой скатертью. На одной половине стола лежала стопка книг с многочисленными закладками; на другой - непокрытой - находилась чугунная сковородка. Пахло жареной картошкой.

Я огляделся. Здесь ничего не изменилось с той военной поры, когда мы с Берестовым впервые перешагнули порог этого обиталища. Даже обои не менялись. И высокая, как эсминец, кровать с никелированными спинками, на которой когда-то лежал Павел Демьянович, стояла на том же месте и застлана была тем же покрывалом. Казалось, хозяйка намеренно сохраняла прежнюю обстановку.

- Нашли быстро? - спросила Алиса Павловна, проворно подхватывая одной рукой сковородку, а второй откладывая загнутую скатерть на оголенную часть стола.

- Быстро, - улыбнулся я, - если, конечно, не брать в расчет долгий путь на трамвае.

Она тоже улыбнулась. От уголков глаз разбежались по вискам лучики морщин, а два передних зуба лопаточкой наползли на нижнюю губу. В этой ее улыбке было что-то трогательное.

Она извинилась и ушла со сковородкой на кухню.

Я поменял позу и увидел в проеме между двух широких окон, заставленных горшками с кактусами, увеличенную фотографию молодого человека в летней форме. Под ней висели фуражка из военного коверкота с голубым околышем и золотым "крабом" над лакированным козырьком и серое вязаное кашне.

"Берестов", - мелькнуло в моей голове. И я не мог уже отвести взгляда от этой фотографии. Я столько о нем знал, а

вот теперь увидел его на фотографии. Добродушное скучающее лицо с высоким, чуть покатым лбом, прямым коротким носом и полными волевыми губами. Он улыбался, слегка прищурив небольшие светлые глаза. Эта улыбка была очень непринужденной, безмятежной, приветливой, она выражала участие и внимание и как бы согревала огромную комнату Алисы Павловны. Глядя на портрет Берестова, нельзя было не проникнуться к летчику необыкновенной симпатией. Мне показалось, Берестов сейчас скажет:

- Ну вот и встретились наконец. Здравствуй. Как ты? Что у вас нового, о чем думаешь?

- Это Макар Петрович, - словно откуда-то издалека послышался хрипловатый голос хозяйки, и я вернулся в действительность.

- Хороший портрет. И фуражка с шарфом тоже его?

- Да, мне привез ее уже после войны механик, работавший на самолете Берестова.

- Старшина Афанасьев? - Я хорошо помнил напечатанный о нем рассказ, в котором говорилось о том, что, вылетев на разведку, лейтенант отдал фуражку механику.

- У вас есть адрес механика? - я приблизился к стене, на которой висел портрет. Мне все казалось, будто хозяин этой фуражки только что повесил ее сюда, а сам вышел в другую комнату - на головном уборе не было ни одной пылинки.

- Старшина Афанасьев погиб при испытании одного из первых реактивных самолетов, - Макарова села напротив. Она была напряжена, ее нервы натянуты, как струна, и только усилием воли пыталась скрыть свое волнение. - Сейчас будем пить чай. А пока скажите, что вам известно о Берестове? - в ее больших по-детски светлых глазах было тревожное ожидание.

Я сообщил о том, что мне рассказал о Берестове партизан Орлов.

Она слушала в каком-то оцепенении, все так же прижав руки к груди и глядя куда-то в пространство.

- Увы. Ничего больше о майоре Берестове я не знаю. И надеялся, что вы прольете свет...

На мои последние не очень-то складные слова она никак не прореагировала, точно не слышала их. Ее глаза были наполнены слезами. А потом как бы очнувшись, молча поднялась со стула и, извинившись, вышла из комнаты.

Я опять посмотрел на портрет Берестова. Знал ли он, что та хрупкая девушка, которую он встретил в бомбоубежище, останется верной ему до конца...

Она вернулась с чайником в руке, достала из буфета графин с вином, чашки, принесла тарелки с бужениной, сыром, огурцами, попросила меня открыть банку со шпротами.

- Напрасно вы все это.

Она не дала мне договорить.

- С дороги полагается закусить. Вы представить не можете, как я рада. Нет, это слово тут не подходит, как я счастлива, что встретилась с человеком, который был близок к Берестову, которого я боготворю. У меня такое чувство, что вы взялись за поиск не ради праздного любопытства. И все доведете до конца.

- Нас будет много, - сказал я. - Но мне хотелось бы, чтобы вы тоже встали в ряды тех, кто будет искать Берестова. Вы очень нам помогли бы, если бы рассказали что-то не только о нем, но и о его родных и друзьях, которые могут дополнить ваш рассказ и, возможно, наведут на какой-то след. Может, у вас сохранились письма Берестова; мы бы были счастливы познакомиться с ними.

- Кое-что есть, - сказала Алиса Павловна. - Думаю, можно разыскать и людей, которые его знали. Раньше я переписывалась с ними, но это было давно, когда жила надеждой встретиться с Берестовым и верила, что он вернется.

Она попросила не стесняться, налить в рюмки вино. Мы выпили за Берестова.

- Я все надеялась, что однажды услышу стук в дверь и сразу почувствую - это вернулся он... - сказала она сдавленным голосом. - Вернулся, чтобы мы смогли осуществить наши мечты. Вам это кажется странным, всем так казалось.

- А я думал, что в наш век Пенелоп уже нет, - тихо, почти про себя заметил я.

- Не знаю. Может, вы и правы. Нет, среди нормальных людей, - добавила она. - Прошли годы. Теперь даже можно сказать - десятилетия, и надежды умерли. Хотя я все продолжаю верить, что он не погиб. Он и теперь иногда снится мне, и я перечитываю его письма, стараясь найти хоть слабый намек на то, что его любовь иссякла и он не захотел вернуться. Но, так или иначе, я перестала писать его матери и брату, не хотела ставить их и себя в зависимое или ложное положение. Я рассудила так: у них есть мой адрес, и если Макар вернулся, они скажут, где я, и если он помнит обо мне, то приедет. Они какое-то время писали, я отвечала, а потом переписка прекратилась.

Я попросил Алису Павловну рассказать о своей жизни после того, как она рассталась с Берестовым.

- Что обо мне говорить. В годы войны была медсестрой, все мечтала встретиться с Макаром, - она машинально разгладила на столе скатерть рукой. У нее сильные руки с темными жилками на тыльной стороне ладони. И я представил, как эти руки делали перевязки под обстрелом врага, выносили раненых с поля боя, закрывали глаза тем, кто пал в бою.

Алиса Павловна достала альбом с фотографиями военных лет.

На первом листе был боевой путь медсанбата, в котором она служила санитаркой. А дальше шли фотокарточки ее и фронтовых друзей, подруг. По ним можно было многое узнать без слов.

Вот она маленькая, худенькая, в темном беретике со звездочкой, в нескладной великоватой шинели, на плече - брезентовый ремень от санитарной сумки; глаза широко раскрыты, а губы плотно сжаты. Такой она попала в действующую армию, такой делала первые перевязки на поле сражения.

А вот в гимнастерке с портупеей. На погонах три полоски - она уже сержант. На груди медаль "За отвагу". От прежней робости на лице не осталось и следа, она уже медсестра сортировочного взвода. На одном из снимков сфотографирована у операционного стола - ее мечта исполнилась: она стала операционной сестрой в хирургическом взводе, а потом старшей операционной сестрой полевого госпиталя.

Около трех лет провела Алиса Павловна на передовой. Не раз и не два была на волосок от смерти. И чужую боль воспринимала как свою собственную. Вместе с солдатами на броне танка ходила в наступление; с группой десантников форсировала Днепр, Вислу; прошла по улицам городов Европы, освобожденных советскими воинами. Победу встретила в поверженном Берлине. Правительство наградило ее за солдатскую доблесть орденом "Славы" и многими медалями.

После войны она убрала военную гимнастерку с погонаами в шкаф и надела гражданское платье. Окончила медицинский институт и стала работать хирургом в военном госпитале. И тут, не прекращала учебы. За разработку новых методов оперирования ей присвоили кандидатскую степень. А потом, спустя десять лет, она стала доктором медицинских наук и возглавила лабораторию биопротезирования.

Я не мог не обратить внимания на книги, которых в квартире Макаровой было так много, что ни для чего другого там уже не было места.

- Это мои друзья, - она любовно обозрела стеллажи с книгами. - Они стирают границы между текущей жизнью и историей и тем самым помогают отличить все истинное от ложного, дисциплинируют тебя и ведут в бой, - она застенчиво улыбнулась. - Этого, конечно, не нужно было говорить уж слишком громко.

Я узнал, что Алиса Павловна - председатель Клуба книголюбов при Доме ученых.

- Готовим конференцию о проблемах книговедения, - сказала она с гордостью. - У нас в городе много библиофилов, которые занимаются самыми разными вопросами работы с книгой, вплоть до социологических и психологических. И что характерно: книги о Великой Отечественной войне по-прежнему интересуют читателя.

Алиса Павловна многое добилась, ее уважали и любили на работе - и об этом я узнал из газетных вырезок, которые у нее оказались.

А вот личная жизнь этой замечательной женщины осталась неустроенной. Она не познала счастья материнства, ее ждало одиночество в старости, нет, не духовное одиночество

- она находилась в окружении друзей и подруг, с которыми ей приятно встречаться и говорить, и они всегда могут прийти ей на помощь, но у нее не было сердечного друга, спутника жизни, с которым можно разделить и радости, и заботы, с которым обретаешь главный смысл личной жизни - продолжение себя в детях.

Алиса Павловна показала мне карточку, на которой сняты мать Макара Берестова Ольга Васильевна и его брат Николай. Мать выглядела очень моложаво. У нее было миловидное лицо с грустными морщинками возле рта, большие кроткие глаза и маленький трогательный подбородок. А брат Николай как две капли воды был похож на Макара.

Алиса Павловна рассказала, как разыскивала родных Берестова, как посыпала письма в военкомат, призывающий Берестова в армию, Наркомат обороны, в воинскую часть, где служил Берестов, в Архив Министерства обороны СССР.

Она достала старую записную книжку с адресами людей, знавших Берестова.

Я попросил Алису Павловну познакомить меня, если это возможно, с письмами, которые касаются Берестова. И вот передо мной появилась стопка вырванных из ученической тетради листков, каждый из которых когда-то был сложен треугольником. Фронтовые треугольники с печатью воинской части вместо марок Алиса Павловна получала часто. Почти все они были написаны химическим карандашом, и это в какой-то мере спасло их. Я сразу узнал почерк Берестова - мелкий и тонкий, где каждая буква стоит особняком. Почти все слова можно разобрать. На некоторых листках отдельные буквы расплылись. Может быть, Берестов писал эти письма в дождь, под крылом самолета, а может, это были следы слез девушки Алисы. Между листками попадались засушенные полевые цветы. Наверное, они росли на тех аэродромах, где базировался истребительный полк Берестова, и специалист смог бы по ним определить места базирования, как моряк определяет по звездам местонахождение корабля. Алиса Павловна придвинула к себе привезенные мною газеты и начала читать.

Я взялся за чтение писем. Письма Берестова... Это своеобразные вехи его фронтовой жизни. О своих боевых делах он сообщал скрупулезно, мимоходом, а о друзьях-товарищах писал подробнее: рассказывал о том, как они каждый день встречали смерть и как презирали ее.

Немало теплых слов было сказано о погибшем под Ленинградом командире ТБ-3 капитане Кострове, с которым и мне довелось сражаться с фашистами и благодаря которому свела судьба Берестова и Алису. Светлая память о нем никогда не померкнет в моем сердце. Но больше он писал о том, как летчики любят жизнь, о чем думают они и мечтают. Все письма были проникнуты верой в победу над фашистами, и каждое из них заканчивается словами "До победы!". Но чаще всего Берестов размышлял в письмах о будущем своей Родины, своего народа; говорил о том, чем он займется после войны, о необыкновенных ракетах-самолетах, которые он мечтает строить, об освоении космического пространства, о полетах на Луну. Немало теплых слов в каждом письме было адресовано Алисе. Берестов писал, как он счастлив, что она есть на свете, писал, что любит ее беспредельно. Он не скучился на ласковые слова и открывал Алисе свою душу, будучи уверенными, что она поймет его правильно. Читая письма Берестова к Алисе, я вспоминал письма лейтенанта Шмидта, проникнутые большим чувством любви к Зинаиде Розберг, письма Дмитрия Фурманова и Мусы Джалиля к своим женам.

Алиса Павловна не смогла читать материалы о Берестове; руки у нее дрожали.

- Я лучше потом, - она предложила еще выпить по рюмке, а потом начала рассказывать, как однажды командир полка Высокос пригласил ее на празднование юбилея полка, в котором служил Берестов, и там она встретилась с братом Макара Николаем Петровичем Берестовым.

Николай Петрович занимался космической биологией и был в расцвете своих творческих сил.

- Никто бы не подумал, что ему уже перевалило за пятьдесят, - сказала Алиса Павловна. - У Берестова была крупная кость, сильные мускулистые руки. Именно про таких говорят: "ражий дядя". Я смотрела на этого крепко сбитого человека с

энергичным обветренным лицом и думала о том, что и Макар выглядел бы сейчас, наверное, так же. Ведь братья были близнецами, в детстве, и в юности их путали даже родители.

"Значит, династия авиаторов Берестовых продолжается", - искренне обрадовалась я. "Нельзя нарушать семейные традиции", - ответил на это Николай Петрович. - Ведь я по существу после того, как мой брат пропал без вести, остался один из рода Берестовых. Ну, теперь-то, правда, наш род укрепился. У меня два сына. Старшего назвал в честь брата Макаром. Он тоже военный летчик".

- Выходит, это уже второе поколение авиаторов, - сказал я.

- Есть и третье, - улыбнулась Алиса Павловна. - Николай Петрович уже дедушка. Его внук учится в школе и занимается в аэроклубе - поддерживает авиационную династию.

- Значит, это у них уже наследственное. Ген своего рода, - заметил я.

- Можно и так сказать. Но тут еще важно, чтобы этот ген не зачах, не умер. Почву нужно готовить загодя.

- Мудрые слова. Будут ли наши дети вот так же беспокоиться за будущее своей Родины, чтобы всегда были люди, которые могли бы умело ее защитить. Да, таких людей нужно готовить загодя.

"Как бы удивился и обрадовался Берестов, если бы узнал, что мы уже в космосе как у себя дома", - подумал я.

- Если бы он был сейчас с нами, то я больше чем уверена: его имя было бы среди имен наших космонавтов или создателей космических ракет, - словно отвечая на мои мысли, сказала Алиса Павловна.

Прежде чем нам расстаться, она достала с полки книгу в красном переплете и протянула мне.

- На добрую память, - сказала Алиса Павловна.

Я прочитал заголовок: "Жизнь в борьбе".

- Ее писал мой отец во время блокады Питера по совету деда Берестова. Я издала рукопись после войны, когда отца, к сожалению, уже не стало. Там немало теплых слов и о вас с Берестовым, посетивших нас, когда он искал своих предков.

Я был тронут до глубины души за этот такой дорогой для меня подарок, невольно вспомнив, в каких условиях писался

этот труд при свете чадящей коптилки, сделанной из гильзы артиллерийского снаряда. Алиса Павловна проводила меня до дверей, приобняла и поцеловала в щеку, выразив надежду, что мы еще встретимся.

Часть четвертая

По возвращении домой я обнаружил в почтовом ящике письмо, в котором сообщалось о том, что фамилия Берестова фигурирует в рукописи, найденной в одной из пещер во время последних совместных военных учений стран Варшавского содружества, проходивших на территории протяженностью в несколько тысяч километров, где были задействованы все рода войск.

Письмо отправил мне сержант срочной службы Матюхин из воинской части, которая находилась во Львове.

"Тот ли это Берестов, я не знаю, - писал Матюхин. - Но судьба этого человека вас тоже может заинтересовать, а поэтому приезжайте по указанному мною адресу, и я вам помогу, чем могу".

Надо ли говорить, как я обрадовался этому письму, и как только представилась возможность, снова отправился в путь-дорогу с надеждой на удачу.

Встретился с Матюхиным в комнате культпросветработы воинской части, где он служил.

Из беседы с сержантом Матюхиным выяснилось, что обнаруженную под землей рукопись он передал командиру полка, а тот отправил ее в Музей боевой славы военного округа.

Прежде чем обратиться туда, я попросил Матюхина рассказать, что представляет собой эта рукопись и при каких обстоятельствах она была найдена. Он охотно откликнулся на мою просьбу.

Попробую изложить услышанное от Матюхина, принимавшего непосредственное участие в вышеназванных учениях.

Этот сержант находился тогда в составе разведывательного взвода, которому поручалось нашим командованием выбрать позицию для наблюдения за боем на противоположной стороне горной гряды в районе учений и вносить корректизы, которые в ходе военной операции могли возникнуть в связи с

быстро меняющейся боевой обстановкой. И занять наблюдательный пункт надо было как можно быстрее.

Из рассказа Матюхина выяснилось, что горы в той местности, принадлежавшей другой стране Варшавского содружества, состоят в основном из известняковых отложений давно исчезнувшего древнего моря. Во многих местах подземные воды размыли известняк - образовались пещеры. Горы там, по выражению сержанта, похожи на ноздреватый сыр. Один пещерный ход пересекает горную гряду поперек, и этим ходом пользуются охотники-смельчаки, когда нужно перейти на другую сторону. Это сокращает расстояние раз в пять, только нужно, конечно, иметь с собой фонарик. Об этом разведчики узнали от охотника, который попался им навстречу и знал русский язык.

Внешность его как-то сразу расположила к себе. Смуглое моложавое лицо, обрамленное с боков рыжеватой шкиперской бородкой; притаившаяся в слегка прищуренных карих глазах улыбка; неторопливые движения. Он чем-то напоминал разведчикам жульверновских героев.

Его звали Мор Олах. А работал он агрономом кооператива. Сообщил, что сам когда-то служил в армии, потом партизанил в этих местах; и с превеликим удовольствием согласился рассказать все о переходе, а если потребуется, и показать его, и провести по нему людей на ту сторону перевала.

- Но я должен зайти домой, предупредить жену, чтобы не волновалась, - сказал Мор Олах. - Да и переодеться. Это по пути.

- Конечно, мы очень обрадовались предложению охотника помочь нам, - сказал Матюхин. - Когда зашли к нему домой, он даже пригласил нас перекусить на дорогу, что бог послал.

- Вы гости на нашей земле, которую ваши отцы помогли нам освободить от фашистов, - сказал он.

Взводный посмотрел на часы.

- Если бы было время.

- Ну что ж, тогда и я считаю своим долгом встать в строй, - Мор Олах открыл платяной шкаф и достал военный мундир с прикрепленными к нему наградами за боевые подвиги в минувшей войне.

- Вот это здорово! - изумились разведчики.

- А как же иначе, - серьезно проговорил Мор Олах, надевая мундир и критически осматривая себя в зеркало. - В нашей семье все взрослые воевали. И если нужно, снова встанем под ружье.

Он накинул на плечи старую кожаную куртку, нахлобучил по самые глаза суконную шапку с большим козырьком, поверх которого проходил затейливый плетеный ремешок; сунул в рот черешневый видавший виды чубук и, взял лежавший в углу вещмешок с прожженным боком, сказал, что готов следовать за разведчиками. На сборы охотнику потребовалось всего три минуты. А до гор разведчики добирались около часа. И вот Мор Олах присел на корточки и протиснулся в узкую щель в горе. Неизвестность всех пугала и манила, и разведчики на какое-то мгновение замешкались, а потом один за другим последовали примеру проводника, сразу же оказавшись в кромешной темноте. Пахло сыростью. Проводник достал из кармана свечку и зажег ее.

- В отличие от фонарика она дает свет во все стороны, - сказал Мор Олах. - Ориентируешься лучше. К тому же это как песочные часы. Сгорит на десять сантиметров, и мы на той стороне. Ну, а вы можете пользоваться фонариками.

Пещеру пересекли в нескольких направлениях нетерпеливые лучи электрофонариков, высветили острые уступы камней, нависшие над головой глыбы с трещинами вдоль и попоперек. Сделав несколько шагов вперед по довольно ровному и мягкому грунту, разведчики увидели покрытые копотью стены с многочисленными надписями и отметками. Возле стен валялись сухая трава и сучья. На вбитом в щель крюке висел огромный медный чайник. Похоже было, что в пещере кто-то живет. Казалось, хозяин вот-вот войдет и начнет высекать огонь для костра. Разведчикам невольно вспомнилась сказка о Синдбаде-мореходе и одноглазом циклопе.

- Здесь охотники укрываются от непогоды, - объяснил Мор Олах. - Если бы не торопились, я угостил бы вас душистым чаем с сухой малиной и сухариками. Все это оставили охотники на всякий случай. На обратном пути мы тоже, возможно, оставим что-нибудь для других - таков неписанный закон для

тех, кто попадает во владения Гадеса - бога подземного царства.

- Ну да сейчас не до шуток, - перебил себя проводник; подошел к стене и показал на толстый алюминиевый провод, один конец которого был привязан к большому камню, а другой уходил в глубь пещеры.

- Это и есть путеводная нить Ариадны, - сказал он. - Хотелось бы предупредить: на пути встречаются ответвления, туда не заходите. Пещеры до конца не исследованы, зачастую таят в себе опасность. Вообще лучше держаться протянутого провода. Громко разговаривать тоже не следует - чтобы не вызвать обвала. Это, кстати, одна из главных заповедей исследователей пещер. И еще, на самый крайний случай: если кто отстанет, затеряется - не пытайтесь искать выход самостоятельно. Ждите на месте.

Разведчики подобрались, посировели их лица, почувствовали, что здесь, под землей, грань между опасностью мнимой, которой были полны учения, и опасностью настоящей окончательно стерлась.

Дорога пролегала по руслу пересохшего ручья. Под ногами гремели обкатанные водой камушки. Кое-где попадались прозрачные лужицы.

- Дождь недавно прошел, вот и мокро, - пояснил проводник, - после хорошего ливня в отдельных местах можно даже искупаться. Впрочем, воды здесь всегда хватает. Вы увидите.

- Подземный ручеек, - продолжал Мор Олах, - течет параллельно реке, которая в этом месте ближе всего подходит к горе и круто поворачивает на девяносто градусов. Тут красивый отвесный берег, но место дикое и пустынное. Дальше река сбегает в ущелье.

Путь представлял собою цепь пещер, соединенных узкими проходами. Каменные стены то раздавались, то так близко подходили одна к другой, что их можно было коснуться вытянутыми в стороны руками. А кое-где пройти можно было только бочком или согнувшись в три погибели.

Скоро узкий извилистый коридор вывел разведчиков к небольшому озеру. Подступавшие к стенам края смыкались вверху в виде церковных сводов. Вода и здесь была прозрач-

ной, лишь приглядевшись, можно было определить ее уровень. Над водой висел толстый трос, а возле него, у береговой кромки, стоял деревянный плот-коротышка.

- На нем и переправимся, - сказал Мор Олах. - По четыре человека.

Держась за натянутый, как струна, трос, он встал на плот. Вместе с ним взошли Матюхин с рацией и еще три человека. Связанные проволокой бревна заметно осели, заколыхались, но верхняя часть продолжала оставаться сухой.

Проводник передал свечу одному из разведчиков и начал перебирать руками уходящий в темноту трос: плот отчалил от берега и поплыл вдоль троса.

- Глубоко здесь? - спросил Матюхин.

- Весьма, - сказал Мор Олах. - Если мы встанем друг дружке на голову, верхний, может, и дотянется до поверхности. Так что нырять можно спокойно, голову не разобьешь.

Через три минуты разведчики были на другой стороне. Как только сошли с плота, оставшиеся на той стороне люди потянули за веревку, привязанную к плоту, и тот медленно поплыл обратно. В темноте не было видно поверхности воды; казалось, плот плывет по воздуху, словно привидение.

За десять минут переправилась вся дозорная группа. Мор Олах сказал, что половина пути - самая трудная - пройдена.

- Теперь как по проспекту до выхода.

Но словам проводника не суждено было сбыться. Едва разведчики повернули за угол, как сразу же почувствовали пыль на зубах. Зачесалось в носу, хотелось чихнуть, но разведчики научились сдерживать себя, открывали широко рот, так, словно собирались своротить себе скулы, и с силой выдыхали воздух.

Проводник вдруг остановился.

- Что-то здесь не так, - произнес он раздумчиво. - Этих камней под ногами не было. Посветите-ка вверх.

И сразу же в потолок пещеры "уперлось" несколько лучей.

- Кажется, здесь был обвал, - объявил Мор Олах. - А ну-ка пройдемте еще немного вперед. Только будьте осторожны.

Лучи фонарей беспокойно обшаривали стены пещеры. Алюминиевая проволока все так же призывно и успокаиваю-

ще поблескивала во мраке, едва на нее падал свет. И вдруг она предательски нырнула в нагромождение камней.

- Да, был обвал. - Мор Олах присел на корточки и стал рассматривать камни.

- Видно, это случилось вскоре после того, как я прошел здесь днем, - сказал проводник. - Выходит, там наверху ваши летчики поработали на совесть. Но икаться им будет долго. И по другой причине; ведь они нашего брата-охотника, можно сказать, стреножили.

- Это бомбардировщики, - пояснил взводный. - Вероятно, пещеры проходят в том самом месте, где расположена зона для нанесения учебных бомбовых ударов с воздуха.

- Другое объяснение найти трудно, - сказал проводник. - Землетрясений в наших местах не случалось. - Мор Олах посмотрел на огарок свечи. - А до конца оставалось минут пятнадцать ходу. - Он был явно удручен случившимся, хотя и не подавал виду. - Будем искать другой путь. Но можем оказаться в тупике.

Кое-кто из разведчиков скис и готов был вернуться обратно, чтобы побыстрее подняться наверх и продолжить путь к намеченной точке, минута пещеры, что позволило бы избежать риска быть раздавленным при повторном обвале, если такой произойдет.

Пока проводник доставал из рюкзака клубок шпагата и привязывал конец его к алюминиевой проволоке, а потом убирал клубок обратно, взводный очень коротко рассказал оробевшим десантникам, как во время минувшей войны был захвачен советскими войсками замок Хорти в Будапеште, подступы к которому простреливались фашистами. Проникнуть в него оказалось возможным только по канализационному коллектору, но тогда никому не было известно наверняка, к чему это приведет. И все-таки люди пошли на риск. По трубе продвигались гуськом, согнувшись в три погибели. Под ногами чавкала вязкая воющая жижа, а густой смрад выворачивал внутренности. Но это не остановило морских пехотинцев, командовала которыми девушка Евдокия Завалий. Все могли задохнуться и умереть в этой трубе, но они дошли и захватили замок, от чего зависел исход боев на данном участке.

стке. Этот рассказ командира оказался очень кстати для того, чтобы подбодрить людей. Короче, он стал той искрой, которая бывает так нужна, чтобы пламя не погасло.

Проводник шел первым, клубок разматывался. Тянувшаяся из мешка нитка должна была при возвращении указать обратный путь. Идущие следом смотрели, чтобы нитка не зацепилась за острый камень и не порвалась.

Дорога по-прежнему забирала вверх. То и дело попадались каменные завалы. У каждого такого завала разведчики останавливались и внимательно осматривали пещерные своды. И только убедившись, что им не грозит очередной обвал, шли дальше. Впрочем, не всегда шли. В иных местах приходилось передвигаться на четвереньках, а в одном месте даже ползти по-пластунски, проталкивая перед собой вещи. У кого-то порвалась одежда, а на ладонях появились ссадины, но никто не замечал боли.

Дважды попадали в огромные пещеры - залы с несколькими ответвлениями. Нелегко было решить, по какому ответвлению идти дальше. И прежде чем продолжить путь, Мор Олах и взводный тщательно обследовали пещеру и по каким-то только им известным приметам определяли направление дальнейшего пути.

В одном из подземных залов Матюхин, замыкавший шестиве, наклонился, чтобы поправить зацепившийся за глыбу шпагат, да так и замер.

- Скорее сюда, - послышался его взволнованный голос. - Гляньте, что я нашел!

- Только не шуметь, - предупредил проводник. Разведчики подошли к сержанту и увидели в расщелине большой кожаный портфель с ремнями. Кожа местами истлела и рассыпалась на куски. Металлические запоры почти до основания были изъедены ржавчиной, что говорило о том, что портфель пролежал здесь долгие годы.

- Уж не клад ли с драгоценностями? - разведчики склонились над находкой.

- Не трогать! - приказал взводный. - Дайте щуп!

Он надел наушники миноискателя и осторожно поднес прибор к портфелю. В тонком протяжном пении миноискателя не было тревожных ноток, которые обычно появляются, как только поблизости оказывается металлический предмет.

- Нормалек.

Все сгорали от нетерпения: хотелось узнать, что в портфеле. Вот почему, как только выяснилось, что мины там нет, несколько рук подхватили портфель с земли. Он стал рассыпаться буквально на глазах.

- Осторожно, - остановил Матюхин разведчиков. Он извлек из портфеля большой kleenчатый сверток, перевязанный шнуром. В нем оказалась книга со стихами, напечатанная go-тическим шрифтом. Фамилия автора никому ничего не говорила. Интерес к находке пропал. Да было и не до нее. Разведчики шли неизведанным путем и хотели скорее выбраться наружу. Матюхин тоже был разочарован, но не допускал мысли, чтобы кто-то понапрасну с таким старанием прятал стихи, которые при желании, видимо, можно было бы получить в библиотеке. Он чувствовал, что здесь что-то не так. Стоя на коленях, с величайшей осторожностью, перевернул несколько страниц. Тут-то и увидел то, чего не могли увидеть стоявшие за его спиной разведчики - карандашные записи между стихотворных строк.

Тогда он ничего не сказал об этом товарищам, нельзя было отвлекать их внимание. Стал заворачивать фолиант в ту же черную kleenку. Волновался. Окоченевшие пальцы не слушались.

Взводный нетерпеливо посмотрел на часы.

- По предварительным расчетам, мы к этому времени должны бы уже выбраться из-под земли.

Все с нетерпением ждали, пока сержант упакует книгу вместе с остатками портфеля в свой плащ-палатку.

Через несколько минут разведчики продолжили путь.

Вдруг Мор Олах остановился и стал прислушиваться, пытаясь определить направление гулявшего по переходам ветерка.

- Приближаемся к финишу все-таки, - сказал он, осматривая пол пещеры, по которому змеился тоненькой струйкой ру-

чеек, - только бы... - Но он так и не докончил мысли, потому что стоявший рядом разведчик Горкуненко воскликнул, за- драв голову кверху:

- Бачьте, хлопцы!

И все увидели в вышине яркую звезду.

Метрах в трех-четырех над их головами виднелся зев пещеры. Через него и была видна звезда. Выбраться наружу было не так-то легко, разве что по веревке, которую надо было закрепить наверху. Да только как ее там закрепишь? Разведчики стали ощупывать стены пещеры и вскоре обнаружили щель, но настолько узкую, что пролезть в нее можно было только без снаряжения, да и то не всякому. Не мешкая, Матюхин, самый маленький из всех и самый юркий, снял с себя все, вплоть до нижнего белья и боком полез наверх.

- Пихайте. Сильнее. Еще, - шептал он, прерывисто дыша.

- Не застрянь, - испугался взводный.

- Я почти снаружи. Поднажмите ногой.

Один из солдат уперся ступней в бок Матюхину и надавил. Матюхин продвинул еще, стал издавать какие-то неясные, но довольно характерные звуки, и это всех развеселило.

- Смотри, Петр Петрович, запасных штанов в твоем рюкзаке нет, - приглушенно смеялся взводный.

- Для общего дела стараюсь, натурально, так что свои от- дадите, - весело отвечал Матюхин.

Скоро он был уже над зевом пещеры, где по-прежнему маячила одинокая звезда. Привязав конец веревки к огромному валуну, сержант помог выбраться наружу Мору Олаху. Потом уже вместе они подняли снаряжение и разведчиков.

Огляделись вокруг и облегченно вздохнули. Самое тяже- лое было вроде бы позади.

Не буду рассказывать о самих учениях, это не относится к теме моего повествования, а сосредоточу внимание читателя на содержимом найденного в пещере портфеля.

Как только представилась возможность, Матюхин занялся поклажей.

Толстый полуистлевший фолиант в кожаном переплете содержал в себе стихи какого-то немецкого поэта, напечатан-

ные острым готическим шрифтом и украшенные замысловатыми вензелями.

Издатель не скучился на бумагу, хотел, чтобы каждая строфа дышала. Именно свобода, большие чистые поля, видимо, привлекли к этой книге человека, который пользовался ею как тетрадью, заполняя страницу за страницей записями. Почекрк у человека был мелкий, убористый, а может, он просто вынужден был экономно расходовать имеющуюся в его распоряжении бумагу. Аккуратные буквы-бисеринки, подогнанные одна к другой, как кукурузные зерна в початке, mestами выцвели от времени и сырости, и Матюхин не сразу мог разобрать, на каком языке велась запись, а когда наконец ему удалось прочитать, сердце у сержанта радостно забилось.

"...Я обязан поведать о том, что знаю, что мы испытали, за что боролись и чего добились, - прочитал Матюхин. - Это мой долг перед памятью погибших, которые пришли сюда вместе со мной, чтобы выведать у врага одну из страшных тайн, связанных с созданием нового сверхоружия.

Мы не были жертвами истории, ни на одну секунду не теряли веры в победу и люто ненавидели врагов. И наши усилия не были напрасными.

Я верю, мой голос пробьется сквозь каменные чертоги к людям, которые сейчас пожинают взращенные нами плоды мира и процветания. Не сомневаюсь, что человечество задушит войну и никогда не даст ей вспыхнуть снова. Не знаю, удастся ли мне выразить на бумаге то, что зовется правдой, но буду стремиться. Желание рассказать о том, как мы сражались с врагом, дает мне необходимые силы. Только бы успеть сказать все, что надо узнать тем, кто будет жить".

Дальше Матюхин не мог разобрать, а потом четко и ясно было выведено более крупными буквами: "...Бывший военный летчик лейтенант Макар Берестов".

Я был потрясен, верил и не верил услышанному. Поблагодарил сержанта за то, что он откликнулся на мою просьбу, и обратился в музей. Его работники приветствовали мое намерение опубликовать записки Берестова, что я и делаю, слегка изменив стиль изложения и включив некоторые комментарии от себя.